

АПОСТОЛЫ

ТАРАС
ШАКНУРОВ

ИГРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арунас Ракашюс

Апостолы игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57388981

SelfPub; 2025

Аннотация

Баскетбол. Игра способна объединить всех – бандита и полицейского, наркомана и священника, грузчика и бизнесмена, гастарбайтера и чиновника. Игра объединит кого угодно. Особенно в Литве, где баскетбол – не просто игра. Религия. Символ веры. И если вере, пошатнувшейся после сенсационного проигрыша на домашнем чемпионате, нужна поддержка, нужны апостолы – кто может стать ими? Да, в общем-то, кто угодно. Собранная из ныне далёких от профессионального баскетбола бывших звёзд дворовых площадок команда Литвы отправляется на турнир в Венесуэлу, чтобы добыть для страны путёвку на Олимпиаду–2012. Но каждый, хоть раз выходящий с мячом на паркет, знает – главная победа в игре одерживается не над соперником. Главную победу каждый одерживает над собой, и очень часто это не имеет ничего общего с баскетболом. На первый взгляд.

В тексте присутствует ненормативная лексика и сцены, рассчитанные на взрослую аудиторию. Роман был впервые выложен в сеть под псевдонимом Тарас Шакнуров

Содержание

Разминка	5
Стритбаскет-2000	5
Первая Четверть	23
Глас божий	23
Блудный сын	45
Страж брату своему	58
Врачу, исцелися сам	81
Золотой телец	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Арунас Ракашюс

Апостолы игры

Все события произошедшие в тексте после четырнадцатого сентября две тысячи одиннадцатого года являются вымыслом. Как и большинство случившихся до этой даты.

Разминка

Стритбаскет-2000

1

Июль двухтысячного был солнечным. Нежарким и без дождей. Безоблачным и тёплым – во всяком случае таким потом вспоминали двенадцатое июля все участники проходившего в тот день в парке Вингиса действия. Впрочем, и полупустые трибуны, где сидели в основном члены не дошедших до призовых мест команд, в памяти стоявших на сцене победителей остались переполненными.

Захрипели, включаясь, динамики. К микрофону встал высокий ухоженный мужчина, как минимум вдвое старше любого из публики и любого из тех, кто стоял за его спиной на сцене. Легендарный спортивный комментатор, подвижник баскетбола, ведущий финальной церемонии «Стритбаскета».

– Итак, бои отгремели, – начал он, переждав положенные ему аплодисменты. – И настало время позвать к пьедесталу лучшую тройку команд. Но сначала хотелось бы сказать

¹ Все события данного произведения и все персонажи данного произведения являются вымышленными. Даже если не кажутся таковыми на первый взгляд

несколько слов о завершившемся сегодня турнире. Этим августом мы провели уже пятый вселитовский турнир по стритболу. Каждый год наш турнир привлекает к себе всё больше внимания молодежи, каждый год мы пытались учить ошибки предыдущих турниров и улучшать организацию. В этом году мы даже осмелились слегка поэкспериментировать. Правила «Стритбаскета-2000» отличались от традиционного стритбола. Мы предложили нашим участникам поиграть «по-настоящему» – пять-на-пять, на всю площадку. Рисковый эксперимент: согласитесь, собрать команду для полноценной игры на все поле сложнее чем набрать четыре игрока. Однако, в этом году у нас участвовало 28 команд, состав которых колебался от 5 до 12 игроков. Интересно при этом, что все победители обошлись малыми силами. В составе каждой из трех команд-призёров по шесть человек, а занявшие четвертое место «Янтарные воины» приехали к нам из Клайпеды восьмером. Я считаю – эксперимент удался! – Ведущий отвел от лица руку с микрофоном, давая зрителям знак, что не прочь вновь услышать аплодисменты. Зрители знак поняли и просьбу выполнили. Без особого рвения, так что ведущий поторопился закончить вступительное слово.

– А сейчас мы переходим к церемонии награждения победителей! – Объявил он к радости всех собравшихся. – Итак, бронзовые медали получает команда из Вильнюса «Короли Улиц». Они заслужили место на нашем пьедестале, обыграв в борьбе за третье место клайпедских «Янтарных Воинов»!

Поприветствуем ребят! Кроме медалей, каждый член команды получает в подарок документальный фильм «Литовский баскетбол» на DVD и, конечно же, почетные грамоты! поприветствуем ребят!

И снова нестройные аплодисменты. Те из команд, кому довелось встретиться в турнирной таблице с «Королями», а на трибунах по большей части собрались именно участники не дошедших до финала команд, предпочли отмолчаться. А клайпедская восьмерка «воинов» добавила к общему радостному гулу ложку презрительных криков. Стоя на пьедестале, капитан команды «Королей» Андрей Кишкис нашел глазами источник неодобрения и пожал плечами, а стоящий рядом с ним Артур Роматис, в компании «Королей» – Римлянин, обратил к клайпедчанам сочувственную улыбку и помахал рукой. Вместе с теми двадцатью двумя очками, что он в последнем матче закинул в их корзину, этого хватило чтобы уgomонить «Воинов». Убедившись, что враги повторно повержены, Артур, Андрей и все остальные «Короли» переклЮчили внимание на подбежавших к ним с наградами девушек. Ведущий продолжил:

– На серебряную ступень нашего пьедестала заступает еще одна столичная команда. В прошлом году в классическом Стритболе три-на-три им не было равных, но сегодня в финальном матче фортуна отвернулась от них. Они получают серебряные медали, диски, а кроме того, – по экземпляру книги легенды баскетбола Валдемараса Хомичуса «Gimes

Laisves Alējoje»! Встречайте: всем вам хорошо известная команда «Два К» и ее капитан, самый ценный игрок турнира «Стритбаскет-99» Каролис Лиздейка!

«Двум К» хлопали больше. Их среди здешней публики знали. Эта команда участвовала в трех последних турнирах «Стритбаскета», со многими вильнюсскими командами пересекалась на уличных площадках, заслуженно считалась главным фаворитом – пропустить «Два К» вперед в турнирной таблице было не так обидно. Так что встречали их тепло и искренне. Сама принимающая поздравления публики команда не выглядела слишком радостной – парни понуро ступили на пьедестал, хмуро претерпели пока девушки обвешивали их медалями, и стали ждать выхода своих главных обидчиков.

– И, наконец, победители, темная лошадка нашего турнира, гости из Паневежиса – «Дворняги»! Поприветствуем наших чемпионов!

«Дворняги» действительно были «темной лошадкой». В предыдущих турнирах не участвовали, на этом – вне площадки держались обособленно, уклоняясь от более близких знакомств с кем-либо, не выказывая ни к кому ни особого интереса, ни агрессии. Только перед полуфинальной игрой с «Королями», стриженный по легендарной паневежской моде «под машинку» капитан «Псов» Дима посмотрел на столичному беззаботно патлатых соперников и поинтересовался у Кишкиса:

– То есть, вы – короли улиц?

Получив утвердительный ответ, пожал плечами и отошёл дожидаться стартового свистка. Спокойно и равнодушно разгромив «Королей», «Псы» прошли в финал.

Их победа была неожиданностью для всех, кроме других паневежских команд. Те знали: если Демон и его «псы» решили заявиться на турнир – без медалей они не уедут. На дворовых площадках Паневежиса в играх на деньги команде «Дворняг» не было равных уже несколько лет, и сейчас те, чьи карманы всё это время страдали, приветствовали «псов» громкими криками, посчитав, что просто хлопков тут явно недостаточно. Остальные зрители сдержанно и негромко похлопали, отдавая дань приличиям. Саму команду публика и реакция публики мало интересовала. Только один из них, уже забравшись на ступеньку, вытянул в сторону трибун кулак с гордо оттопыренным средним пальцем, но тут же получил подзатыльник от стоящего рядом капитана.

– Наши чемпионы также заслужили и диск, и книгу! Надемся, что информация, которую они почерпнут из этих источников, поможет им в достижении дальнейших баскетбольных высот! Но это не все! Команда «Дворняги» становится обладателем главного приза нашего турнира! Им достается баскетбольный мяч, подписанный всеми членами мужской олимпийской сборной! Сборной, которая в скором времени отправится в Сидней, чтобы оттуда радовать нас своими, не сомневаемся в этом, победами!

И уже тут трибуны взорвались. Промолчать, когда речь шла о баскетбольной сборной Литвы, было бы кощунством. Те, кто на такое способен, не смотрят финальные церемонии турниров вроде «Стритбаскета». Впрочем, большинство собравшихся здесь были уверены, что способных на подобное кощунство в Литве нет вообще. И были недалеки от истины.

– Наконец, последнее на сегодня! – Ведущий переждал шквал оваций. – Сейчас я представлю вам выбранную нашими судьями и почетными гостями символическую команду турнира «Стритбаскет-2000». Поприветствуйте их! Позиция разыгрывающего в этой команде достается игроку «Королей Улиц» Жильвинасу Андрюкенасу!

Стоящие на третьей ступени парни приветствовали эту новость радостными криками: «Уж! Уж – лучший», в то время как в команде «Дворняг» Дмитрий Огнев, отвечая на вопросительные взгляды членов команды, пожал плечами. Разыгрывающий «Два К» Донатас Каритис воспринял объявление спокойно.

– «Двоячка» – позиция атакующего защитника в нашей символической пятерке отходит самому молодому и самому результативному участнику турнира. Встречайте! Обладатель чемпионской медали четырнадцатилетний Михаил Огнев из команды «Дворняги»!

– Лети, Шмель, – Демон толкнул брата с пьедестала и тот встал рядом с покинувшим перед этим строй своей команды Ужом. Показанный несколько минут назад неприличный

жест сыграл свою роль – Огневу-младшему публика радости не выразила.

– Ему же достается и звание самого ценного игрока чемпионата! Поздравим его... А на позиции легкого форварда в команде «Стритбаскет-2000» играет капитан команды «Короли Улиц» Андриус Кишкис!

«Короли», казалось, единственные из трех команд-призеров, получали искреннее удовольствие от церемонии. Сейчас они ликовали: «Заяц! Заяц! Зайчик наш!»², а сам виновник торжества, спустившись с пьедестала, подошел к ведущему. После коротких переговоров направился к двум другим участникам символической сборной.

– Извиняюсь за неточность: Андрей Кишкис! Я постараюсь запомнить это, чтобы не ошибиться, когда буду комментировать матчи обновленной сборной Литвы через несколько лет! А теперь – «большие»! Четвертая и пятая позиции, позиции тяжелого нападающего и центра достаются двум «К» из команды «Два К» – Каролису Лаздейке и Кястутису Потёмкину, надеюсь, что в этот раз я не напутал с окончаниями...

«Два «К» из команды «Два К» синхронно спрыгнули со ступеньки и заняли свои места в пятерке. Ведущий перевёл дыхание.

– И, наконец, лучший «шестой» игрок турнира! Борьба за звание «лучшего шестого игрока» велась между Повила-

² Kiškis (лт.) – заяц. Отсюда и прозвище Андрея Кишкиса – «Заяц».

сом Микщисом из команды «Дворняги» и тяжёлым форвардом «Королей Улиц» Артурасом Роматисом. С минимальным преимуществом в голосовании победил последний. Артурас Роматис – лучший «шестой» игрок....

У ворот парка, «Дворняги» поравнялись с обсуждающими что-то свое ребятами из двух других команд-победителей.

– Играли бы стандартное три-на-три – мы бы вас сделали, – не удержавшись, бросил им всё-таки Лиздейка.

– Был бы у бабушки хуй... – Моментально взвился Шмель, но так же моментально поник, одернутый Демоном.

– Миша, тебе давно рот с мылом не мыли? – Некоторое время братья смотрели друг на друга. Шмель не выдержал первым. Буркнул что-то себе под нос и исчез за широкой спиной «центра» паневежцев Марюса. Огнев-старший повернулся к Каролису.

– Не сделали бы.

– Проверим? – Включился второй «К». Потёмкинас с вызовом смотрел на «псов». Демон задумался.

– Пожалуй, нет. На автобус опоздаем...

Из толпы послышалось: «Зассали», но реплика не смутила Огнева. Демон пожал плечами и развернулся, готовый покинуть Вингис, но был остановлен своей командой.

– Демон, а может сыграем?

– Вайдас, нам организаторы до сегодняшнего дня номера сняли. Если на автобус не успеем – где ночевать будем?

– Хрен с ним, с автобусом, – Вайдас выразительно посмотрел на капитана. – Что мы, на вокзале не переночуем, что ли? Зато билеты отобьем и на пиво останется... По червонцу с рыла, играете? – Высокий смуглый брюнет, покоровший всех на турнире своей защитой, повернулся к вильнюсским. Первыми решились «Два К»:

– Идёт!

– Как знаешь, Балу... – Демон пожал плечами. – Можем сыграть.

Все повернулись к третьей команде. «Короли» спорили между собой. Точнее, наседали на лучшего разыгрывающего турнира, Жильвинаса-Ужа.

– Не буду я играть! Сказал же!

– Да ладно, Уж! Я за тебя заложу, так что, считай, ты не в азартной, а просто в игре участвуешь. Не можешь же ты бросить команду! И вообще, если мы гореть не будем, кто тогда?.. – Кишкис, решив, что последнего аргумента достаточно, не оглядываясь отошёл от своих и приблизился к договаривающимся командам. Взгляд, которым проводил капитана разыгрывающий, меньше всего подходил воспитанному интеллигентному мальчику, вынужденного ради друзей нарушить родительский запрет.

– Мы в игре. Можем вообще каждую команду на две разделить и сыграть турнирчик из шести команд.

– По рукам! – Согласились «Два К», Демон пожал плечами, а Шмель, решивший, что ему уже можно вмешиваться,

уточнил:

– Победитель получает все...

С этим уточнением вопросов не возникло. Вопрос оставался один: где играть? В Вильнюсе, как и в других городах Литвы, кольца есть в каждом дворе, но так, чтобы спокойно, без лишних зрителей, для себя... Устроившее всех решение предложил молчавший до этого «второй номер» «Двух К»:

– Давайте на нашу площадку пойдём, все, кто там обычно играет, всё равно уже тут...

– А Внук дело говорит! – Поддержал его Лиздейка. – Идём к нам во двор! У нас там тихо, да и площадка удобная!

– Внук? – Демон с интересом посмотрел на парня. Тот усмехнулся.

– Пранас Лубинас, приятно познакомиться³! – Демон уважительно склонил голову и протянул руку:

– Дима Огнев, Демон. А что, реально внук?

– Однофамилец, – не стал врать Пранас. – Ну что, решили?

Решили собраться через полчаса во дворе дома, где жили четверо из шести членов команды «Два К»: Каролис Лиздейка, Кястутис Потёмкинас, Ромас Мунтялис и Мартинас Шимбалас. Двое других – Довидас Каритис и Пранас Лубинас жили в домах по соседству и их окна выходили на то же.

³ Фрэнк Любин (англ. Frank Lubin, известный в Литве под именем Пранас Лубинас лит. Pranas Lubinas) род. 7 января 1910, Лос-Анджелес – 8 июля 1999, там же) – американский и литовский баскетболист, олимпийский чемпион 1936 года в составе сборной США, чемпион Европы 1939 года в составе сборной Литвы.

Раньше не получалось – паневежцам нужно было еще дойти до отеля и сдать номера.

– Найдёте? – Спросил Андрей, решив держаться с паневежцами, как гостями столицы, чуть покровительственно. – Или прогуляться с вами?

«Псы» переглянулись.

– Как хотите, – решил быть вежливым Демон. – Если что, мы город знаем, вообще-то. Доводилось...

Что именно им «доводилось» уточнять не стал, двинувшись по дорожке. За ним тронулись с места и остальные.

– Демон, дай мяч-то посмотреть! – крикнул капитану претендент в «лучшие шестые» Микщис. Огнев, не поворачиваясь и не сбивая шаг, послал мяч через спину «на голос». Мяч оказался в руках Микщиса. Тот внимательно рассмотрел приз и пустил его дальше по рукам.

– Я уверен – Яська⁴ на этой Олимпиаде зажжет!

Спонтанный турнир окончился после наступления темноты. Последний финальный матч доигрывали при свете висящего над одним из подъездов дома фонаря. Судьба ста восьмидесяти литов решалась в борьбе братьев Огневых и Вайдаса-Балу со стороны паневежцев против тройки «королей»: Ужа-Жильвинаса, Андрея Кишкиса и габаритного, игравшего на «Стритбаскете» за «центра», Саулюса Кокусайтиса.

Попав бросок «на владение», Демон отошел за линию

⁴ Шарунас Ясияквичус (лит Šarūnas Jasikevičius, род. 5 марта 1976 года, Каунас) – литовский профессиональный баскетболист, впоследствии – тренер.

трехочкового. Посмотрел на рассеявшихся вокруг площадки выбывших из турнира и теперь наблюдающих за финалом зрителей, нашел своих.

– Фанта, Рич, стоняйте за пивом тогда уж... Все автобусы сегодня без нас ушли, в любом случае, – убедившись, что Марюс Григалюнас и Ричардас Тонкус повиновались приказу, повернулся к держащему на линии штрафных мяч Ужу. Улыбнулся. – Погнали?

Получил от Ужа мяч, перекинул через Жильвинаса на Балю. Жильвинас и опекавший Балю Саулюс дернулись за мячом, но Вайдас, приняв мяч, сразу же вернул его Демону. За десятую долю секунды до того как мяч оказался в руках старшего брата, Шмель рванул с края площадки под кольцо. Демон, не задерживая мяч в руках, переслал его туда же.

– Кокс! – позвал Кишкис, помчавшийся за Шмельём и безнадёжно опаздывающий. Саулюс повернулся к кольцу, готовый ловить бросок воссоединившихся там мяча и Шмеля. Прыгнул вслед за выпрыгнувшим Михаилом, слишком поздно сообразив, что тот успел передать мяч подошедшему с другой стороны Балю. Совершенно свободный Вайдас надёжно послал мяч от щита в кольцо.

– Очко, – Демон подобрал мяч с земли и перебросил его разыгрывающему «Королей». – Ваш ход.

Жильвинас в отличие от оппонента не стал сразу расставаться с мячом. Под пристальным надзором Демона прошелся вдоль трехочковой линии, сблизившись с парой Кишки-

са и Шмеля, прошел между ними, увернувшись от попытки паневежца выцепить мяч... Как только Шмель отвлекся Заяц рванул по трехочковой дуге в обратную сторону, и в том же направлении повел мяч Уж. Неожидавшие резкой смены направления братья Огневы, Шмель и Демон, столкнулись между собой.. Видя, что двое «маленьких» остались без присмотра, к Ужу кинулся Балу, а Демон, сориентировавшись, подбежал к оставшемуся свободным под кольцом Коксу. Обежав по дуге, Кишкис встал в дальнем углу, ожидая мяч и потерявшегося в чехарде Шмеля... Мяч пришел раньше. Отчаянно пытаюсь остановить бросок, Шмель выпрыгнул, но Андрей успел прицелиться и послать мяч в корзину.

– Трехочковый, – объявил он. – 2:1, мы ведем⁵.

Единственный оставшийся среди зрителей паневежец Повилас Микщис, он же – Макс, потянулся на траве и протянул, ни к кому конкретно не обращаясь:

– А, может, кто пари хочет?..

Ответить ему не успели. Демон, получив мяч, сразу же рванул под кольцо, изящным движением обойдя Жильвинаса. Шаг, еще шаг, прыжок. Прямо перед ним вырос Саулюс, сбоку, готовый ловить отскочивший после блока мяч, набегал Заяц. Уже почти коснувшись ногами земли, Огнев, не глядя, швырнул мяч через спину. И сразу же принял его, прошедшим через кольцо. От трехочковой линии отходил в

⁵ В уличном баскетболе на одно кольцо обычно простой бросок «стоит» одно очко, бросок из-за линии трехочкового – два. Играется до двадцати одного очка.

защиту довольный Шмель.

– 3:2, играем.

– Точно никто дополнительную ставочку не хочет? – В этот раз в голосе Микшиса звучала откровенная издевка, на которую нужно было ответить. Хоть кому-то.

– Не говори «гоп», – Каролис Лиздейка, сам собиравшийся играть в финале, вздохнул. – Ставлю еще червонец на Ужа.

– Идет! – Микшис кивнул и устроился на траве поудобнее. – Как мы все-таки удачно зашли...

Когда обвешанные мешками паневежцы и пошедший вместе с ними Ромас вернулись к площадке, счёт был «по тринадцати».

– Перекур? – Предложил Демон.

Уж сморщился, но большинство игроков поддержало идею Огнева. Жильвинас вздохнул:

– Ну что с вами делать... Перерыв.

– А ты не куришь? – Прикурив, Демон полез в мешок за пивом. Жильвинаса опередил с ответом Роматис.

– Ты лучше спроси, почему он не курит. Почему ты не куришь, Уж?

Жильвинас вздохнул:

– Вот, тебе, Римлянин, больше всех надо... Потому что еще не так давно курение в христианской вере вообще приравнивалось к самоубийству. И даже сейчас считается грехом... – помолчав, добавил: – Правда, у русских. Современ-

ное Католичество, к сожалению, к курильщикам снисходительно.

– У русских – это в Православии? – Уточнил Демон и получив утвердительный ответ повернулся к брату. – Слышал, Шмель? Возвращаемся, крестим тебя в Православие – и все, ты и после восемнадцати курить не будешь...

– Демон, мы договаривались! – обиженно отозвался Шмель под смешки остальных паневежских. Тема «курения» младшего обсуждалась между ними уже давно и поднималась часто. Огнев-старший вздохнул:

– Договаривались с ним, видите ли... Кстати, о договорах... – он повернулся к Повиласу. – Макс, а если мы проиграем – как расплачиваться будешь?

Повка Микцис, к тому времени подначками вынудивший вильнюсских поднять общий банк пари до 70 литов, равнодушно отхлебнул пива.

– А вы не проигрывайте. Проиграете – сами и расплачиваться будете...

Усмехнувшись, Демон поднял мяч и, давая сигнал другим, вернулся на площадку. Игра продолжилась. При счете «19:19» Балу подобрал под щитом пущенный мимо кольца мяч соперников и перевел его за трехочковую зону Демону. До этого Демон, начиная атаку, либо пасовал мяч, либо сам прорывался ближе к концу. Нежданый к концу игры чего-то другого Уж отодвинулся, чтобы перекрыть линию потенциальной передачи. Демон, получив дополнительной

пространство, прыгнул, завершая встречу.

– 21:19. Игра.

– Вот видишь, – Не обращаясь ни к кому конкретному, Макс довольно потянулся и открыл новую бутылку, – что правильная мотивация значит...

Расходиться никто не спешил. Большинство сидело на траве, попивая пиво или минералку, Заяц, Шмель и Ромас-AWP лениво состязались в дальних бросках.

– А у мелкого реально талант...

Демон посмотрел на сидящего рядом с ним Ужа.

– Реально... Вот только у него еще и все шансы свой талант просрать. И я не уверен, что смогу помешать ему в этом...

– Ты? А родители на что?

– Родители... – Демон невесело усмехнулся. – Родители...

Невеселая его улыбка означала, что у Огневых родителей не было. Как и у большинства остальных членов команды. Из всех «Дворняг» только Рич знал, где его мать и даже иногда встречался с ней. Не часто – тогда, когда встречу позволяла администрация женской тюрьмы. Демон поднялся с земли.

– Так, команда, подъем! Это нам хорошо, а пацанам, наверное, и по домам пора...

Распрощавшись с вильнюсскими, «псы» двинули в сторону автовокзала. В этот раз от предложений проводить вежливо, но твердо отказались.

– А ничего пацанчики... – Задумчиво сказал Марюс, ко-

гда их компания покинула двор. – Хоть и банглы⁶...

– Ага, – откликнулся Балу, – меня Оле спрашивает: «А правда, что у вас там одна гопота? Не страшно вам там жить?» А я ржу... Ну, а что мне ему ответить – мы сами гопота? Так разбегутся же мигом...

– Оле – это которой?

– Ну, из «королей». Вместе с Джи и Римлянином играл. Слушай, Демон... – Балу догнал Огнева и заглянул в глаза. – А может поохотимся, а? Чего такой ночи пропадать?

Демон глубоко вздохнул. Воздух пах мягкой свежестью летней ночи.

– Нахуй. – Сказал твёрдо. – И так подняли неожиданно, спасибо Максу. А если сегодня где-нибудь засветимся или заяву накатают? Менты же сразу про этот «Стрит» вспомнят... «А кто там, говорите, был?». «О, из паневежиса команда выиграла?», «А что за команда, интернатские, говорите?», – Демон передразнил воображаемых ментов и сплюнул. – Не. Нахуй.

– Да ну, Дим, ну не маленькие же! – Не отставал Балу. – Всегда чисто работали, а сейчас засветимся? Схуяли?

Соглашаясь с Балу, остальные «псы» одобрительно закивали. Демон обвёл компанию взглядом, вздохнул – Как знаете... Тогда Балу, Макс и Фанта отправляются на подвиги,

⁶ Банглы – banlai, лит. – в конце девяностых, начале нулевых, субкультура литовской молодёжи, противоположенная субкультуре уличных хулиганов – «форсов», и тяготеющая к неформальной одежде, длинным волосам и проч. Более обще – все, кто не гопники.

Шмель и Рич идут со мной на вокзал. Там и встретимся.

– Ну, Демон... – удаляющаяся троица еще успела услышать ноющий голос Шмеля и категоричный ответ Демона.

– Не нукай, не запряг. Через полтора месяца школа начинается, тебе учиться надо, у тебя по судам таскаться времени не будет.

И чуть позже:

– Вы мне скажите: этот Уж реально лучше меня на турнире играл?

Первая Четверть

Глас божий

Литва – страна баскетбола. Даже не так. Литва – баскетбольная держава. И снова не совсем верно. Литва – великая баскетбольная держава. Величайшая. Пусть американцы гордятся НБА и дрим-тимами, успешно не замечая, что «команды мечты» двухтысячных уступают не только своим легендарным предшественницам из девяностых, но иногда и европейским или там аргентинским соперникам. Пусть игнорируют, пусть гордятся. Но и пусть вспомнят – кто был капитаном американской команды на первом олимпийском турнире баскетбола? Ладно, там было два капитана. В финале играл Фрэнсис Джонсон, но вторым капитаном, и, кстати, вторым по результативности игроком сборной штатов был кто? Не помните? Напомним: Фрэнк Лубин. При чем тут Литва спросите? Учите историю, господа американцы, Фрэнк Лубин, точнее Пранас Лубинас, литовец по национальности, тренер литовской сборной на «Евробаскете» тридцать седьмого года, играющий тренер в тридцать девятом. В каждом случае Литва завоевала золото.

Скажете, давно было? Хорошо, принято. Идём дальше. Наверное, вы не согласитесь и с аргументом по имени Моде-

стас Паулаускас – олимпийским чемпионом начала семидесятых, олимпийским бронзовым призером шестьдесят восьмого, многократным чемпионом Европы... Ладно, имеете право, всё-таки тогда он был единственным литовцем в сборной СССР. Тогда дальше – следующее поколение! Йовайша, Хомичус, Марчюленис, Куртинайтис... Сабонис... На площадке – сборная СССР, господа, если кто не понял. Не стоит перечислять все их титулы, награды и достижения. Их много, просто поверьте на слово.

Что, и этого мало, чтобы доказать баскетбольное величие Литвы? Достижения, вы утверждаете, по большей части советские? В любой стране, говорите вы, есть легенды баскетбола? В любой стране есть достойные имена даже на уровне баскетбола мирового? Ну, господа... Достойные достойным рознь. Хотя, пусть будет так. Можно и это возражение принять.

Решающий аргумент. В девяностом году Литва получила независимость. Для протокола: ура, ура нашим патриотам, ура Саюдису⁷, ура Ландсбергису⁸. И еще для протокола: мы

⁷ Са́юдис (лит. *Sąjūdis*, «Движение») – общественно-политическая организация литвы, возглавившая в 1988 – 1990 гг. процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР.

⁸ Витаутас Ландсбергис (Витаутас Ландсбяргис, лит. *Vytautas Landsbergis*; род. 18 октября 1932 года, Каунас) – литовский политик, общественный деятель. С ноября 1988 года по апрель 1990 года – председатель Совета Сейма Саюдиса, с декабря 1991 года – почётный председатель. Председатель Верховного Совета Литвы (1990 – 1992), Сейма Литовской Республики в 1992 и 1996 – 2000 гг.

чтим память погибших тринадцатого января девяносто первого⁹. Они герои и все попытки оспорить это и усомниться в их подвиге – провокации! Простите, господа, протокол – дело важное. Так вот, с девяносто второго года Литва участвует на Олимпийских играх как независимое государство. В период с девяносто второго по день сегодняшний мужская олимпийская сборная Литвы по баскетболу ни разу не опустилась ниже четвертого места. Кто может похвастаться схожим результатом? Штаты? Так у вас, простите, численность населения на пару порядков выше, а уж как финансирование отличается – подумать страшно. Не сравнить. Так что, признайте: Литва – великая баскетбольная держава. Величайшая.

Тридцатого апреля две тысячи двенадцатого года в час после полудня, точнее в промежуток между тринадцатью часами пятью минутами и тринадцатью же часами сорока восемью минутами в жизни Каролиса Лиздейки произошли два события. И если одно из них в прагматичной реальности найдет выражение разве что в виде дополнительной строчки в резюме, если он когда-нибудь, что вряд ли, будет менять работу, то другое... О, другое достойно рассказа внукам, если они у него появятся! Да и детям, при том же условии. Четыре часа назад Каролис Лиздейка, известный среди дру-

⁹ 13 января в Литве отмечается День защитников свободы, посвященный памяти погибших во время штурма советскими войсками здания телецентра в Вильнюсе 13 января 1991 года.

зей детства как Ка-Один, среди друзей юности как Гнездо¹⁰, один из многих менеджеров Литовской Баскетбольной Федерации официально стал руководителем проекта. Проекта, проходящего в документах под названием «Мужская национальная сборная 2012». А на сорок минут раньше он удостоился аудиенции Самого.

Величайшая, господа, именно так. За прошедшие с восстановления независимости пять олимпиад Литва трижды становилась бронзовым призером чемпионата и дважды занимала четвертое место. Да, на других чемпионатах получалось не так гладко. Чемпионат Европы, не считая побед тридцатых годов, мы взяли только однажды – в две тысячи третьем. Еще пару раз заняли призовые места. А главное достижение на чемпионате мира – третье место, завоеванное командой Кемзуры¹¹. Командой, которая год спустя позорно слилась на чемпионате Европы.

Что? Теперь вы начинаете их оправдывать? Парой предложений ранее говорилось, что на Чемпионатах Мира и Европе Литве везло редко и пятое место это не «позорно слиться» для команды страны, чья численность населения еле-еле насчитывает воспетые «три миллиона», чья экономика перманентно находится в кризисе? Хорошо, есть рациональное зерно в ваших рассуждениях, но надо понимать два факта.

¹⁰ Гнездо лит. Lizdas, прозвище по созвучию с фамилией

¹¹ Кястутис Кемзура лит. Kęstutis Kemzūra – баскетбольный тренер, тренер национальной мужской сборной Литвы по баскетболу в 2009 – 2012 гг.

Во-первых, это был домашний чемпионат. Первый домашний чемпионат с тысячи девятьсот тридцать девятого года. И они его слили, не попав даже в призеры! Это во-первых. Во-вторых, да, пятое место – не так уж и плохо, чтобы заработать его они обыграли словенцев и греков. Молодцы! Но как можно было отдать выигранный, уже практически выигранный матч в четвертьфинале? И кому? Македонцам, которые весь матч демонстрировали полное неумение играть? Как? Как, объясните, можно было это сделать? Никак – если, конечно, не рассматривать всевозможные теории заговоров и не верить в то, что для членов литовской баскетбольной сборной что-то может быть важнее побед? Ну так что? Молчите? То-то же. Для протокола – Литовская Баскетбольная Федерация ни в какие заговоры не верит, а для назначения менеджером команды человека из букмекерского бизнеса были веские спортивные причины.

Вообще, Литва не слишком заметна на общеевропейском фоне. Все исследования, анализы, опросы свидетельствуют, что по большинству параметров Литва плетется в хвосте остального Евросоюза. Уверенно она опережает всех только по двум параметрам: скорости интернета и количеству самоубийств на сто тысяч человек. И скорости, и самоубийств в Литве больше чем где бы то ни было. И финал сыгранного четырнадцатого сентября одиннадцатого года матча «Литва – Македония» помог Литве удерживать лидерские позиции в одной из этих категорий. И интернет тут ни при чем, раз-

ве что кто-то предпочёл смотреть матч через онлайн-порталы... А также помог увеличить немаленький процент безработных, за счет тех, кто после этого матча ушел в запой. А также, а также, а также...

Но плохо даже не это. То есть, это, конечно, плохо, но и с безработицей, и с пьянством, и с самоубийствами Литва жила раньше. Пусть не прекрасно, но жила. А вот такого, чтобы перед Олимпиадой у Литвы не было гарантированных путевок туда – такого не было. После матча «Литва – Македония» стало. Вылетев из борьбы за медали в этапе четвертьфиналов, Литва осталась среди команд, для которых попадание на Лондонскую Олимпиады осталось под большим вопросом. Летняя Олимпиада могла пройти без литовской команды. Впервые. И, простите за пафос, господа, но вот это – это настоящий траур для всего народа. Для протокола – никто даже не пытается сравнить этот траур с трауром по жертвам тринадцатого января. Хотя, всё-таки...

Такую мысленную полемику с зарубежными любителями баскетбола Каролис вёл уже четыре часа. В машине, по дороге домой, в магазине, машинально улыбаясь знакомой продавщице, дома, коротко поздоровавшись с третьей год как на пенсии мамой, чтобы тут же нырнуть в свою комнату. Уже три часа он наворачивал в ней бессмысленные и бесцельные круги, вертя в руках баскетбольный мяч. Время от времени мяч отправлялся в висевшее над дверью комнаты кольцо. Кольцо это висело здесь уже, наверное, двадцать лет и сни-

малось за все эти годы трижды: в двенадцать и восемнадцать лет Каролиса, когда ремонт в квартире затевали родители и два года назад, когда после десятилетнего перерыва ремонт в квартире делался третий раз. Делался уже самим К-1. В тот последний раз из комнаты исчезло множество с детства знакомых и привычных вещей, но кольцо осталось. Все эти годы в моменты размышлений К-1 бродил по комнате и с разных позиций забрасывал мяч в кольцо. Броски получались. Всегда и, как обычно, сейчас. В отличие от рассуждений. Круги по комнате, круговые возвращения в мыслях к тому болезненному для всех матчу, матчу, из-за которого, в общем-то, и мечется сейчас Каролис, но воспоминания о котором никак сейчас не помогут. Забив напоследок мяч сверху, К-1 вышел из комнаты. Взял из холодильника бутылочку пива, нацепил тапки, накинул поверх футболки куртку и хлопнул по карману. Сигареты присутствовали. Курил он с шестнадцати лет, не прятался от родителей – с девятнадцати. Но после того как три года назад, после смерти отца, у матери стало плохо с сердцем, перестал курить в квартире.

В подъезде оставаться не стал, пошел на улицу. Весна, в этом году долго тянувшая с наступлением, в середине апреля решительно пришла. За два дня сошел снег, за неделю солнце высушило оставленную им грязь. И хотя потом на всякий случай весна еще обмыла Вильнюс парой ливней, последние четыре дня светило солнце. На улице было хорошо. Каролис закурил и зажигалкой откупорил бутылку.

– Тебе штраф за распитие алкоголя в общественном месте выписать?

К-1 приветственно поднял руку. Старший лейтенант государственного департамента безопасности Литвы, вечный друг, вечный сосед, второй «К» их дворовой компании Кястас-Кость наконец-то дождался потепления.

Вместе с пятеркой разновозрастных пацанов подрастающего поколения Кость гонял мяч по дворовой площадке. Эту площадку когда-то, лет, наверное, пятнадцать назад они с боем вытребовали у тогдашних взрослых. Ну, как «с боем вытребовали»... Когда шестеро пацанят день ото дня канючат о том, что им нужна баскетбольная площадка, когда они обещают, каждый своим родителям, учиться на отлично или, в зависимости от требований последних, на хорошо и отлично, когда отец одного из них – председатель совета домоуправления, а еще трое входят в этот самый совет; при таких условиях одержать победу не слишком сложно. Сложнее потом соблюсти условия договора. По-настоящему сложно. Зато для всех них площадка стала вторым домом. И даже во взрослом возрасте Кястутис часто повторял, что эта площадка – главное достижение в его жизни. И почти не шутил. Детское обещание заставило Потёмкинаса приложить все усилия чтобы окончить школу с красным аттестатом, привыкнуть к дисциплине и выдержке, и, в конечном итоге, привело его туда, где он сейчас был. Но не это главное. Главное, что через двенадцать лет после возникновения площадки – де-

ревянного столба с самодельным щитом и участком утрамбованной земли вокруг нее, Потёмкинас, тогда еще младший лейтенант, стал инициатором обновления площадки. Правдами и неправдами удалось выбить у комитета молодежи городского муниципалитета хороший – настоящий – баскетбольный столб с щитом и кольцом, удалось собрать деньги с дома на модное и, он подчёркивал это как главный аргумент, более безопасное покрытие из резиновой крошки. Площадка продолжала жить, а сам Кость до сих пор с удовольствием бегал по ней – пусть чаще всего и с новыми партнерами, с теми, кому обращаться к нему «дядя Кястас» было естественнее чем просто «Кость, держи щит!»

– Кость, держи щит! – Раздалось со спины и он стремительно обернулся. Трактор ожидаемо убежал от опеки Йонаса и теперь по задней линии неся с мячом к кольцу. За спиной у Кястаса остался Римвидас, но Трактор пасовать не будет. Не будет он и кидать со средней – пойдет до конца. Что ж, нарвется на блок. Вот так. А Йонас мяч подобрал. Умничка.

Сейчас Кость с двумя пятнадцатилетними подростками противостоял команде баскетбольной звезды двора последних пяти лет Миндаугаса Трактора. Трактор был хорош. С детства в баскетбольной секции, спортивная школа, в прошлом году – национальная сборная семнадцатилетних, с этого года числится в резерве «Летувос Ритаса». Действительно хорош, но уж очень осведомлён о своём таланте.

– Минде, сколько раз тебе повторять – не жадничай. Отдал бы мяч Римке – гарантированные очки. А сейчас...

– Что «сейчас»? – Миндаугас с Костью остались под кольцом, пока команда последнего разыгрывала мяч. Пас на Кястаса и изящным крюком тот переправляет мяч в корзину.

– 21–18 сейчас. Игра.

Обычно, играя с младшими, Кость старался не брать игру на себя. Пусть дети бегают. Пусть учатся, пусть радуются удачным действиям. Но в команде Трактора всем троим за восемнадцать, все по-честному. Да и Миндаугасу все-таки надо учиться не перетягивать одеяло.

– Реванш? – Спросил Трактор. Кястас не успел ответить, в разговор встряли новые любители спорта:

– А может с нами?

– О, бандюки пожаловали... – К-1 не был единственным зрителем концовки матча. За финальными действиями игроков наблюдали, покуривая за пределами площадки, трое двадцатилетних парней. Кость посмотрел на спрашивающих. Скульптор, Чичкин, Тут, они же Айварас, Марюс и Таутвидас – подраставшая, подраставшая и, наконец, подросшая шпана. Подросшая и окрепшая. Стоят, уверенные в себе, посмеиваются.

– Какие же мы «бандюки», Кястас. Подрабатываем как можем, родителям помогаем, а ты нас «бандюками» обзываешь... Обидно...

Кястас хмыкнул:

– А «трудо­вые» пока­жите, работ­нички...

«Работ­нички» дружно рас­смеялись.

– Так а кто сей­час по «трудо­вым» работа­ет?

Кястас вздох­нул, при­знавая пра­воту «бандю­ков». Число пред­почитаю­щих неле­гальные за­работ­ки офи­циально­му трудо­устрой­ству росло в стране с каж­дым днем. Легальной ра­боты в Литве стано­вилось все меньше, требо­вания ва­кансий стано­вились все круче, зар­платы не под­нимали, а по­собия от трудо­вой бир­жи урезали с за­видной ре­гулярностью. При этом отучить лю­дей питаться и ходить хо­ть как-то оде­тыми до сих пор не уда­лось. Вот и приходи­лось каж­дому вто­рому жить «халтур­ками» и «шабаш­ками». И винить в этом не­кого.

– Ну так как, сы­граем? – Парни не уни­мались. – Давай, Кястас! Три наших пол­тахи про­тив одной твоей? Де­тей гра­бить, так и быть, не станем...

– Совсем обор­зели, засран­цы... – Кястас рас­смеялся. – Вы что, серьезно ду­маете, что я с ва­ми на день­ги играть бу­ду?

– А на что бу­дешь?

Кястас за­думался. Же­стом пред­ложил пар­ням подой­ти бли­же. Когда те ока­зались в­плотную пе­ред ним, вздох­нул.

– Хотите иг­рать – ладно, да­вайте. Про­играете – рас­ска­жете мне, кто это в Шах­теровское кафе на под­ставной крас­ной Ауди за­частил. И за­чем, если зна­ете...

– Мы – коз­лить? Да ты за ко­го нас дер­жишь, мент... – Тут, самый мо­лодой и нес­держан­ный из тро­ицы, на­быч­ился, в то

время как оставшиеся двое переглянулись.

– А если выиграем?

– А если выиграете... – Кость усмехнулся, – то, когда Юстас из восемнадцатой квартиры с семьей из отпуска вернётся и в ментуру пойдёт, я не стану участковому рассказывать как вчера вечером на балкон покурить выходил, и фотографиями с моего смартфона, вчера вечером сделанными, с ним делиться не буду.

Теперь вся троица напряженно думала. Кость прекрасно понимал ход их мыслей. Раз он назвал и квартиру, и день, то действительно видел. Фотки... Фотки могут и быть и понтом, да даже если они и есть – что там разглядишь на шелкнутом в темноте на мобилу изображении. Вот только и без них свидетельство сотрудника ДБ остаётся авторитетным и практически неоспоримым. Так что – статья гарантирована. С учетом уже висящих на каждом из троицы условных и административных, гарантированный срок. Но растрепать тому же сотруднику ДБ о делах местного авторитета... С другой стороны, они и знать-то толком ничего не знают, слухи и без них ходят, а кто там на красной “аудюхе” катается, пусть она и на левого чела записана, департаменту узнать – вопрос пары часов. Разве же это – «сдать»?

– А разве Шахтер по твоей ведомости? – осторожно спросил Чичкин. Кястас рассмеялся.

– По моей – не по моей... – и уже громко спросил. – Играете?

Парни переглянулись.

– Похуй, играем. Только без Трактора.

Миндаугас хмыкнул и картинно, с разворотом, вложил мяч в корзину сверху.

– Куда уж вам...

– Эх, игрок... – Поддержал его Кость. Огляделся. – Ладно, Римас, ты в команде и... Ка, не хочешь кости размять?

К-1 по-прежнему сидел у крыльца, посасывая пиво и отстраненно наблюдая за шевелением вокруг Кястаса на площадке. Встрепенулся, услышав вопрос. Встряска не помешает, все равно в голову ничего толкового не приходит.

– Сейчас, переобуюсь только...

– Хана вам, мальчики, – констатировал Кость, когда сменивший тапки на кроссовки Каролис вышел из подъезда. – Можете сразу колоться.

– Посмотрим... – Скульптор взял мяч и, отойдя за линию трехочкового броска, запустил его в кольцо. Попал. – Мы начинаем.

– Да, пожалуйста, – Кость издевательски развел руками. – Да, сколько угодно... Римка, твой Тут. Пусть он вспотеет, ладно? Ка, под кольцом или побегаешь?

– Побегаю... – решил Лиздейка, вставая напротив Скульптора. – Разминаться так разминаться...

Играли сосредоточено. В наполненной прерывистым дыханием тишине стучал по покрытию мяч и время от времени

звучали короткие вскрики. «Рассекай!», «Дай!», «Меняемся!», «Фол!», «Три!». Лиздейка передавал мячи обосновавшемуся под кольцом двухметровому Кости, ставил заслоны Римвидасу, бросал сам и не давал свободно бросать Скульптору, перехватывал чужие пасы, прорывался под кольцо сам... Это было хорошо. Это было правильно. Играя, оставляешь все, что не касается игры, за площадкой. Главный закон. Нет прошлогоднего чемпионата Европы, нет нелепой попытки Сонгайлы пасовать Ясияквичусу, попытки, стоившей матча, нет Лондонской Олимпиады и надвигающегося отборочного турнира в Венесуэле, нет Самого, огорошившего сегодня с порога Лиздейку... Есть он, есть Кость, есть Римаc, есть команда соперников и есть мяч, который, как известно, круглый. И пока ты следишь за мячом, пока ты следишь за матчем, пока ты играешь – ты на месте и всё у тебя получится.

Всё получалось. Кость, видимо из педагогических соображений, решил обойтись без всякой педагогики и играл в полную силу. Силы у старшего лейтенанта безопасности хватало. Как и техники. Любой доходивший до него пас оборачивался уверенными очками, а любая попытка соперников пройти под кольцо – не менее уверенным блок-шотом. Римвидас, пользуясь редкой возможностью выйти из тени Трактора, выкладывался на все сто. Своевременно открывался, в меру метко кидал и носился по площадке, не давая оппоненту перевести дыхание. Каролис... К-1 просто играл, на-

слаждаясь игрой, наслаждаясь болью в мышцах, нехваткой воздуха и пустотой в голове. Матч завершился разгромным счетом 21:9.

– Гуляйте, мальчики! – Довольно резюмировал Кость. – Только сначала отойдем, пошепчемся. И серьезно – перестаньте крысятничать там, где живёте!

Лиздейка же, сказав пару комплиментов Римвидасу и его игре, вернулся на крыльцо. Тяжело сел. Игра закончилась и одышка перестала казаться приятной. Кроме того, вопреки всем доводам здравого смысла, её срочно требовалось закурить. Через пару минут к нему присоединился Кястас.

– Слабаки. Да и тебе, Ка, не мешало бы почаще играть. Теряешь форму.

Лиздейка усмехнулся в ответ:

– Зато ты крут невероятно. Хоть в сборную иди, – игра закончилась и не дававшие покоя весь день мысли вернулись. Кость довольно захохотал.

– А что? Я запросто... – но уловив настроение друга, оборвал смех. – Что ты смурной такой, Каролис?

Что тут ответить? Потому что повысили на работе? Поручили проект, почетнее которого и придумать нельзя? Расстроился из-за личной аудиенции у Самого? Лиздейка пожал плечами и сказал главное:

– У Литвы нет сборной в этом году. Не хочешь пивка со мной попить?

Итак, вернувшись с обеда, Лиздейка обнаружил отправ-

ленное администратором Моникой через внутреннюю сеть сообщение: «Сам зовет» и в приподнятых чувствах отправился в кабинет к президенту Литовской федерации баскетбола. Ничего не предвещало беды. Каролис был хорош на своем месте и знал это. И даже если предположить, что он допустил какой-то, косяк не стал бы Сам звать его к себе по такому поводу. Директор выговор могла сделать, генеральный секретарь мог к себе вызвать, а то и просто походя втык дать. Сам бы не мелочился. Так что вызов к президенту федерации К-1 воспринимал так и только так как такое событие нужно воспринимать: огромная честь. И дело тут, конечно, не в должности. Свидание с живым богом, не шутка.

Двадцать четвертого октября две тысячи одиннадцатого года, через месяц после того злополучного матча пост президента баскетбольной федерации Литвы занял Арвидас Сабонис. Конечно, сменил он на этом посту тоже легенду – умалять легендарность и заслуженность Гарастаса¹² никто не собирается. Но Сабонис... Сабонис – это Сабонис. Живой бог, после долгой, несколько раз, казалось бы доходившей до финальной точки, но всё продолжавшейся спортивной карьеры, наконец-то повесивший форму на вешалку. Сошедший с паркета на грешную землю, чтобы и дальше оставаться центральной фигурой баскетбольного пантеона. Теперь уже –

¹² Владас Антанович Гарастас (род. 8 февраля 1932, Линкува, Литва) – советский литовский тренер профессиональных баскетбольных команд. Заслуженный тренер СССР (1982). С 1991-го по 2011-ый гг. – президент Литовской Федерации Баскетбола.

в роли президента баскетбольной федерации Литвы. Некоторые малoverы к его назначению отнеслись скептически. Говорили, что он не справится, что не может человек, всю жизнь посвятивший спортивной карьере, вдруг в одночасье стать хорошим руководителем-функционером. Приводили в пример заокеанского баскетбольного бога – Джордана и его фиаско в клубах Вашингтона и Шарлоты. Но кого интересовало мнение скептиков? Да и кого, по большому счету, интересовала компетентность Сабониса. Сабас – это Сабас. Он непогрешим. Он божественен.

В пять минут второго Лиздейка попал в кабинет Самого. И там, окутанный славой, оваянный ореолом любви всего литовского народа, символ надежности вообще и мощи литовского баскетбола особенно, Сам огорошил его той самой фразой, которую спустя несколько часов К-1 повторил, обращаясь к своему самому старому другу. «У Литвы в этом году нет сборной». Пива не предлагал, хотя, возможно, стоило. Сказать, что Лиздейка был ошеломлен до потери речи и остановки мышления. Даже банальный и напрашивающийся вопрос «Почему?» был найден им далеко не сразу. Когда он его наконец нашёл, а Сам на него ответил – легче не стало.

Оказалось, после прошлогоднего чемпионата Европы никто из литовских баскетболистов не хочет играть за сборную. Никто не жаждет быть участником повторения прошлогодних событий, никто не стремится ощутить себя объектом вселитовского разочарования. Никто не хочет быть тем, кто

разрушит веру. Никто, конечно, так не говорит, отказывают ссылаясь на семью, необходимость восстановиться после сезона, необходимость набрать форму перед сезоном, хронические мучающие старые травмы, загруженность в связи с благотворительной или бизнес-деятельностью, учебу... И не понятно – то ли они просто не хотят говорить о своем страхе, то ли действительно новое поколение так расставляет приоритеты. И неизвестно, какой из вариантов хуже.

Также нет тренерского состава и руководителя несуществующей пока команды. И у Самого теперь нет больше никаких идей, как их всех заманить. Куда им всем идти – у Самого идеи были и он не побоялся их высказать Лиздейке. Даже в состоянии шока подобное доверие, а отборнейшую матерщину в адрес именитейших игроков при нем иначе как доверие расценивать невозможно, польстило Каролису.

– В общем, – Выпустив пар, закончил разговор Сабас. – Мы решили, что нам нужен кто-то молодой, кто-то со свежим и нестандартным взглядом чтобы собрать команду. Миндаугас указал на твою кандидатуру, я его выбор одобряю.. Так что сейчас подпишешь у Расы бумаги – и принимай руководство. Над проектом спасения сборной... Отчитываться будешь лично передо мной. Жду от тебя завтра плана действий. Понятно, пока хотя бы в общих чертах... Удачи!

Выслушав историю К-1, Кость переспросил:

– Совсем никто? А Валанчус?¹³

Лиздейка помотал головой.

– И Валанчус нет. Он, говорит, понял, что еще не готов, к тому же у него с Торонто переговоры, если все срастется, то он не может рисковать этим летом... Короче реально, хоть, правда, тебе предлагай... Пойдешь?

Запасы пива, обязательные для холодильников каждого из живущих на одной лестничной площадке друзей, были давно уничтожены. Найденная на замену в одной из квартир бутылка бренди подходила к концу. Сомнений не оставалось. Кость размашисто кивнул:

– Без вопросов! Пойду!

– Вот и круто! – К-1 саркастически изобразил радость. – Ты пойдешь, Внука возьмем, АWP, Марчуса...

– Не, Марчуса не получится. – Серьёзно перебил друга Кость. – Марчус после той аварии еле ходит. Не сможет играть.

– Ладно, Марчуса не будем! – покладисто согласился Лиздейка и разлил. – Пусть поправляется! Тогда этих возьмем... Ну... Как их... Которые, нас разделали в двухтысячном...

Пытаясь вспомнить, К-1 защелкал пальцами в воздухе. Кость нахмурил лоб:

– «Дворняги», что ли?

¹³ Йонас Валанчунас – литовский баскетболист, до чемпионата Евро-2011 игравший за молодежную сборную, в 2011-ом году отыгравший (и очень неплохо отыгравший) первый турнир за «взрослую» национальную сборную.

– Точно!

– Можно и их, – Кость одобрил идею. – Я недавно Демона, их разыгрывающего, видел, он сейчас учителем у нас в Вильнюсе работает. Говорил, –до сих пор иногда с друзьями играет, предлагал собраться как-нибудь... Так что вполне можно!

– Можно! – К-1 почти кричал. – И нужно! И мы всех сделаем! И пусть обосрутся, уроды!

Вдруг успокоившись, он мутными глазами посмотрел на друга:

– Слушай, это же полный бред, да? Или не полный?

Кость убрал со стола бутылку.

– Давай я сейчас кофе сварю, ладно?

Пока закипал чайник, по очереди освежились, подставив головы под холодный напор душа. Сели за кофе.

– Бред... – После долгого молчания резюмировал К-1. – Хотя сомневаюсь, что получилось бы хуже, чем если бы набрали команду со скамейки запасных ЛКЛ¹⁴. Кстати, самим перспективным оттуда уже предлагали. Отказались. – Лиздейка невесело усмехнулся. – Сказали, что недостаточно хороши и не хотят позорить литовский флаг. Слушай, а если чисто на приколы прикинуть – собрали бы мы команду?

Утром, переступая порог кабинета Самого, Лиздейка проклинал себя за вчерашнее пьянство. Поутру, с головой лишь слегка тяжелой от похмелья, идея выглядела бредовой без

¹⁴ ЛКЛ (LKL) – Литовская Баскетбольная Лига (Lietuvos Krepšinio Liga)

всяких «хотя». Однозначно идиотской она выглядела. Но другой не было. Просить отсрочку – значит самому признать, что не оправдал доверия, значит закопать карьеру. Глубоко вдохнув и стараясь не дышать в сторону внимавших ему Самого и генерального секретаря федерации Миндаугаса, Лиздейка обрисовал свою идею. После того, как он закончил, в кабинет повисло чуть окрашенное перегаром молчание.

– Совсем крыша съехала? – первым нарушил тишину генеральный. – Или фильмов пересмотрел?

Лиздейка молчал и смотрел на Самого. Тот тоже молчал, покусывая губы. Наконец, разомкнул их и мощным басом спросил:

– Что пил вчера?

– Пиво, бренди, кофе, – честно перечислил К-1. Сам усмехнулся.

– Кофе – это хорошо. Знаешь, Миндаугас, а ты прав оказался, – Сам повернулся к генеральному. – Он действительно нашел нетрадиционное решение. Звучит абсурдно, но, в конце концов, нам терять уже нечего. Собирай свою команду, – это уже адресовалось Лиздейке. – В конце мая покажешь. А мы пока над запасным вариантом подумаем. Может, среди студентов удастся кого заинтересовать...

Кабинет президента Лиздейка покинул пришибленный собственным успехом. Сомневаться в реальности дарованного разрешения времени не было. Нужно было собирать команду. Кость обещал вчера пробить по своим источникам

информацию о игроках трех команд-призеров «Стритбаскет-2000». Значит, нужно позвонить ему и напомнить о обещании. Пьяный бред неожиданно превратился в реальную стратегию.

Блудный сын

Ромас сидел у окна квартиры на восьмом этаже недостроенной высотки в центре Каунаса. Недостроенные дома, невыкупленные квартиры, невыплаченные зарплаты, неотданные кредиты... Забавно, если подумать. Словно до какого-то момента все было хреново, но со светом в конце туннеля. И к нему тянулись. А потом кто-то нажал кнопку и свет погас. Все остановилось и стало просто хреново.

Хотя, почему «словно». Довка рассказывает, что так и было. В шестом – седьмом годах литовский бизнес с облегчением выдохнул. Появились надежды, перспективы, заказы. Появились деньги и возможность долгосрочного планирования. Люди – и бизнесмены, и обыватели – стали смелее брать кредиты, банки с удовольствием помогали людям начинать свои предприятия, покупать машины, обставлять квартиры... Зарплаты росли. По словам Довки был момент, когда в день его сантехники зарабатывали не меньше чем он сам, если посчитать. И все были довольны.

А в две тысячи восьмом все вдруг кончилось. Банки пошире растянули рты и оказалось, что то, что все принимали за доброжелательные улыбки, на самом деле – банальный хищный оскал. А банки напоминали, что предупреждали о потребительской ответственности, твердили, что брать кредит нужно лишь хорошо обдумав стратегию возврата...

Оказалось, что кредиты нужно возвращать даже тогда, когда деньги кончились. А деньги в Литве кончились совсем. Вдруг в одночасье обанкротились крупные фирмы, кормившие субподрядами весь мелкий и средний бизнес, вдруг правительство решило, что мелкий бизнес должен платить налогов больше, чем он получает прибыли, а рабочий класс – не меньше чем они зарабатывают, аргументируя свое решение тем, что всё равно большая часть заработков утаивается... И всё встало. Остались лишь недостроенные дома на поминание о лучших временах и четвертое место сборной Литвы, на удивление легко обыгравшей в четвертьфинале Китай¹⁵ – как надежда на то, что все еще наладится. А еще появились плакаты с лозунгами «Кризис кончится двадцать первого июня». Дату несколько раз переносили.

Еще один лозунг Ромас заметил сегодня, подъезжая среди прочих пассажиров рейсового автобуса, к каунасскому автовокзалу. «И в Каунасе тоже можно жить!» – гласили надписи на стенах, афишных тумбах и будках автобусных остановок. Без рисунков, без пояснений – просто большие буквы и восклицательный знак. Судя по пустым улицам второго по величине города Литвы, когда-то – временной столицы, восклицательных знаков явно недостаточно. Впрочем... Можно, кто бы спорил. Газеты в прошлом году писали, что за установку унитазов и писсуаров в ремонтирующейся перед Евробаскет-2011 Спортивной Арене Каунаса каунасское са-

¹⁵ Летняя Олимпиада 2008 года

моуправление заплатило два миллиона евро. Толстый участвовал в тендере, рассказывал, что со своей сметой в сто тысяч литов проиграл без вариантов. А потом ему же дали субподряд. Так что, можно жить и в Каунасе. Почему нет?

AWP не интересовался политикой и не любил жалоб на повсеместную коррупцию. Он просто жил и принимал окружающую действительность как данность. Отслужив положенный год, остался еще на два года по контракту. Поработал потом еще четыре года «наемником» в воинских частях, к Литве отношения не имеющих, но платящих несравненно лучше. В две тысячи девятом решив, что устал и соскучился, вернулся на родину. Вернулся, осмотрелся, понял, что его государство в жопе, пожал плечами и стал зарабатывать деньги. Забавная вещь – прозвища. Довидас, проходивший «Толстым» все детство только потому что в любой компании должен быть кто-то по прозвищу «Толстый», после двадцати пяти раздобрел и разросся в объемах. А выбранный в честь излюбленного оружия в игре юности «Counter-Strike» никнейм «AWP» прилип сначала ничего не значащим прозвищем, а потом оказался крайне символичным в контексте его дальнейшей жизни.

К ресторану через дорогу от заброшенной стройки подъехал новенький «Mercedes». Ромас прильнул к прицелу. Первым выходит водитель, вторым телохранитель. Телохранитель осматривается по сторонам, но вяло, откровенно для проформы. Открывает заднюю дверь, выпуская основного

пассажира. В центре прицепа показывается его голова.

Убивать людей по-настоящему очень просто. Это АWP выяснил еще будучи в составе отряда литовских миротворцев в Ираке. Гораздо проще чем в том же «CS». Там многое зависит от чувствительности мышки, от нюансов программы, от того насколько лагает интернет, наконец. В жизни все проще. Нужно просто просчитать траекторию, заранее прицелиться и дожидаться момента. Это просто. Очень просто. Как закинуть мяч с трехочкового.

Без лишней суеты Ромас разобрал винтовку, упаковал основные запчасти в туристический рюкзак, натянул на торчащий ствол чехол, спустился. Через пару минут от заброшенной стройки по направлению к автовокзалу шагал ничем не примечательный рыбак. Рыбаков в Литве много. Особенно сейчас, когда слишком многие надеются, что если просидеть на берегу достаточно долго удастся увидеть проплывающего Кубилиуса. Любимое народное развлечение. После пива и баскетбола, естественно.

Через час с небольшим вышел из автобуса в Вильнюсе. Поднялся к автостоянке возле «IKI»¹⁶, открыл багажник непримечательной Тойоты середины девяностых, закинул рюкзак. Сел в машину, завелся, поехал. Выехал на Нарбуто, с него свернул на Лайсвес. Сатурн, Комета, Меркурий... Забавно. Проспект Космонавтов превратился в Laisves Prospektas, когда никому из его компании еще и деся-

¹⁶ Сеть супермаркетов

ти не было. На месте старых советских магазинов уже давно банально-привычные «ИКИ», «Norfa»¹⁷, «Maxima»¹⁸, но даже они, выросшее при независимости поколение добавляют к ним старые названия. «У Ики-Сатурна встретимся», «Высади меня возле Меркурия...». Забавно. Выехал на дорогу ведущую в соединяющий Каролинишки с Салатовским озером лес, доехал до частных гаражей в его начале. Последний ряд, три крайних гаража. На каждом – объявление: «Автоуслуги. Ремонт машин, покраска, диагностика, смена резины и проч. Тел: ... Ромас». Заглушил Тойоту, открыл дверь центрального, зашел, закрыл дверь, включил свет. Открыл электрический щиток возле двери и включил установленный тут в прошлом году умельцами Толстого климат-контроль. Так же отсюда можно было управлять светом и музыкальной системой. Внутри соединяющие стены между гаражами отсутствовали. Все три гаража были соединены в одно просторное помещение. В конце помещения у стены, зевая раскрытым капотом, стояла над ямой спортивная BMW. Центральный гараж делила на две части стильная занавеска с восточным рисунком. Между занавеской и задней стеной пряталась спальная комната на случай, если он решал оставаться ночевать тут. Там были диван-кровать, широкий плазменный телевизор, игровая приставка. Открытая часть центрального гаража оставалась пустой, за исключением офисного стола с

¹⁷ Сеть супермаркетов

¹⁸ Сеть супермаркетов

компьютером и пары кресел. Третий гараж почти полностью был отведен под кухню – с навесными ящиками, раковиной и длинным угловым столом. На столе стоял огромный многофункциональный кофейный аппарат. Захлопнул капот, пошел к столу. Помыл руки, несколько минут потратил с наслаждением щёлкая кнопками кофейного аппарата. Дождался чашки кофе. Взял её и прошёл за офисный стол. Подтянул к себе журнал регистраций, нашел номер владельца «бэхи». Достал из кармана мобильник, набрал.

– Все, все сделано, можете забирать машину.

Работа сделана, можно отдыхать. Отложил журнал, потянулся к кофе. Клиент скорее всего появится только завтра, так что, на самом деле, можно со спокойной совестью ехать домой, но Ромас старался придерживаться легенды. Если он – частный автослесарь, то место ему в гараже. К тому же, в его гараже ничуть не менее комфортно, чем в квартире.

Включил музыку и вывел на экран монитора изображение с внешней камеры. Аудио-систему в помещении, которое должно изображать его рабочее место, он отладил на славу. Музыка заполняла внутренности соединенных гаражей, не оставляя места для любых других звуков, но при этом и не выливаясь за отведенные для нее пределы. Звукоизоляцией Ромас тоже озаботился. Денег хватало. Тем более тратились они только на обеспечение комфорта Ромаса, а нужно ему не так уж и много. Купил, по возвращению из горячих точек, отдельную от родителей квартиру, во второй раз, теперь

уж – окончательно, оставив родной двор. Приятно удивился, обнаружив, что он не единственный такой. Из старой дворовой компании в родительских квартирах остались жить только оба «Ка», все остальные разлетелись по собственным или съемным жилищам. В пределах Вильнюса, кроме сбежавшего от ореола не своей славы в Польшу Внука. Значит, не все так плохо в Литве, раз вильнюсские дети, вырастая, все-таки могут отпочковаться от бесплатного жилья и уйти в самостоятельное плавание. Хотя, и в самом деле удивительно. Ладно, Толстый. Он достаточно быстро выяснил, что сантехники зарабатывают гораздо больше, сидя в кабинете и командуя другими сантехниками, вместо того чтобы самим ездить по заказам. Повезло человеку в бизнесе. А остальные-то как? Впрочем, и удивление, и интерес были пассивными. После его возвращения собрались большой компанией, и хотя хорошо посидели, но стало понятно, что скучал АWP не по этому. Восстанавливать детскую дружбу не стал. Только с Довкой встречался относительно регулярно, с остальными – так, виделись от случая к случаю. Не то, что у него оставались какие-то обиды на старых друзей, или он не желал им добра – просто ему вполне хватало знать, что у них все хорошо. Все хорошо – и хорошо, и славно. Прошлые их, рассыпанное между баскетбольными площадками, компьютерными клубами и походами – их прошлое, проживать которое было весело, а вспоминать – до сих пор приятно. Но оно осталось в прошлом, а в настоящем... В настоящем не бы-

ло команды или клана «2К», объединенной общими стремлениями, общими желаниями побед и успеха, а людей, которые когда были этой командой, не объединяло ничего кроме прошлого. И это правильно – считал Ромас. Так что, без каких-либо сожалений, он вывез из Каролинишской квартиры родителей остатки своего детского хлама и поселился вместе с ним в новостройке Северного Городка. С удовольствием человека, уверенного в собственном куске хлеба, обставил квартиру: без излишней роскоши, без крикливой кичливости свеженаворовавшего бандита, а просто – под себя. Берлога не стесняющегося жить в свое удовольствие молодого холостяка – вот чем должна была быть и чем, в результате, была его квартира. Удобная кровать, достаточно широкая для того чтобы пригласить переночевать случайную подружку, несколько широкоэкранных телевизоров, чтобы не играть с проводами каждый раз, когда хочется поменять игровую консоль... Удобный диван и удобные кресла. Пара шкафов для одежды. Пустая кухня с большим холодильником, навороченной микроволновкой. Недавно по совету клиента купил многофункциональную кофейную машину, даже две – для квартиры и в гаражи. Жить было комфортно и удобно. Жизнь текла размеренно и приятно. Он всё ещё продолжал скучать по чему-то – но так и не мог понять по чему он скучает. В остальном... Если в жизни чего-то и не хватало, то только интриги. Но в мире, где каждый второй, просыпаясь утром, не знает удастся ли ему вкусно и плотно пообедать, и,

тем более, накормить детей, если они имеются, – отсутствие интриги явно не самый большой недостаток.

Среагировал датчик движения, зажегся монитор. У дверей гаражей АWP образовались две мужские фигуры. Для клиента вроде бы рано. Ромас присмотрелся. Усмехнулся. Легки на помине, друзья юности. И чего приперлись? В голове заворочился червячок настороженности, но Ромас досадливо отмахнулся. Если бы Кость пришел в связи со своей профессиональной деятельностью – он бы пришел один. Ну, или явно не в компании с К-1. Так что убавил громкость и пошел открывать гостям.

Обнялись.

– Сколько же мы не виделись-то, Ромка? – Лиздейка нахмурился, вспоминая. АWP усмехнулся.

– С ноября. На дне рождения Довки...

– Точно! – Лиздейка дурашливо хлопнул себя по лбу. – Мы тогда еще в боулинге сидели... Как дела, АWP, как живешь?

– Да вот, – Ромас махнул рукой, приглашая гостей полюбоваться его рабочим пространством. – Ковыряюсь помалёху... Нормально всё. Сами-то как?

– Неплохо у тебя тут, – Кость уставился на стоящую в углу гаражей машину. Подошел к ней, нагнулся к номерам. Хмыкнул. – Ромка, ты знаешь кто тебе машину сдал?

– Хмырь какой-то, – Ромас равнодушно пожал плечами. – Вроде Аурелиусом зовут, могу по журналу проверить... А

что?

– Аурелиусом, Аурелиусом, не проверяй... – Кость рассмеялся. – Да ничего, в общем-то. Хмырь этот – один из подручных Шахтёра. Знаешь такого?

– Наслышан, – Ромас с лукавой усмешкой пожал плечами. – Солидная клиентура – это хорошо, вот что я могу сказать. Значит, могу быть спокоен – расплатится вовремя.

Рассмеялись все втроем. Потом Ромас поил друзей юности первоклассным кофе, а те восхищались напитком и рассказывали АWP о своем восхитительно безумном плане. Дослушав их, Ромас покачал головой:

– Я всегда подозревал, что наше «2К» на самом деле как «два кретина» расшифровывается. Это ж додуматься надо было... Интересно, сколько вы выпили, когда вас эта идея посетила?

Лиздейка и Потёмкинас переглянулись переглянулись.

– Ну... Выпили... Но не в этом дело же!

Дело действительно было не в этом. Вся жизнь Ромаса, собственноручно им налаженная, устраивающая его практически полностью, хорошая, как ни крути, жизнь подчинялась одному, всего одному, принципу: не светиться. Этот простой закон полностью вписывался в характер АWP и у него и мысли никогда не было, что когда-нибудь его желания могут пойти вразрез с этим правилом. Они и не пошли, в общем-то. Мысли о спортивных репортажах с его участием привлекали его столько же, сколько привлекали мысли о

репортажах криминальных. То есть, не привлекали вообще. И хотя до сих пор он замечательно оставался вне поля зрения служб правопорядка, он понимал, что интерес прессы, который несомненно будет, резко изменит его шансы остаться в тени. И изменит не в ту сторону, в которую ему хотелось бы. С этим все было в порядке. Он по-прежнему не хотел светиться. Свет прожекторов и прицел объективов, даже предполагаемый, вызывал у него вполне реальное чувство дискомфорта. Но. Но, но, но... Было в предложении двух Ка что-то такое, от чего он не мог просто отмахнуться. Что-то как-то связанное с тем чувством тоски, которое заставило отказаться от нового контракта, вернуться на родину и остаться там, несмотря ни на что. Что-то перекликающееся с той тоской, которую не вышло удалить видом родных улиц, встречей с родными людьми и которая стала совсем невыносимой после прошлого лета. Подобрать выброшенное профессионалами словно тряпка знамя гордости Литвы, встать защищать отечество тогда, когда больше некому. Вернуть себе и людям веру, что не всё продаётся... Собраться командой, снова, как в детстве, объединить цели, стремления и помыслы... Поиграть. Как от такого отказаться?

– Это бред, конечно. Но я, в общем-то, свободный художник, строгим графиком не связан, так что причин отказываться нет у меня... Я в игре!

– Вот и славно! – терпеливо ожидавший Лиздейка искренне обрадовался. Порывисто встал. – Тогда, значит договори-

лись. Ты в команде. Ромка, прости, у нас теперь со всей этой историей времени нормально посидеть нет вообще – так что мы побежали. Как будут новости – позвоним, ладно?

– Ладно, звоните...

– Кстати, – Кость, после слов К-1 о звонке щелкнул пальцами, будто что-то вспомнил. – У тебя с клиентурой как, хватает?

Ромас пожал плечами.

– Да не жалуясь. Очередь обычно, даже вынужден отказываться от заказов регулярно. А у тебя что, с машиной проблемы? Могу пацанам позвонить одним – они хорошо и дешево делают...

– Не в этом дело, – отмахнулся Кястас. – Просто мы сейчас подходили, я внимание обратил: у тебя номер на объявлении неправильно записан. Вместо восьмерки последней – девятка...

– Серьезно? – Ромас удивленно посмотрел на Кястаса и расхохотался. – Не поверишь – эти объявления уже больше года висят, а я, ворона, не заметил! Спасибо, Кость! Исправлю!

Распрощавшись с друзьями, закрыл за ними дверь и выдохнул. А всё-таки, из Кястаса хороший мент вырос. Внимательный. Кто бы сомневался, впрочем. Кость всегда был цепким и хватким. Играть с ним в одной команде – одно удовольствие.

* * *

– Чистое попадание! – прокомментировал Лиздейка. – Кто следующий?

Кость сдержал обещание. Когда, через пару часов после телефонного разговора, друзья встретились, на руках у Кястаса была папка с досье на почти всех кандидатов в сборную. В «Команду Кошмаров», как обозвали свой проект друзья – по американской аналогии, но с должной долей самокритики. Правда, последняя информация о некоторых была прошло-, а то и позапрошлогодней давности, а следы некоторых терялись вообще сразу после окончания школы, но друзья резонно надеялись, что то, чего не удалось найти в базах данных Департамента Безопасности, можно будет выяснить у друзей пропавших. Так ли это, предстояло узнать. Пока дело не дошло даже до папки. О том, что у Ромаса гаражи где-то в Каролинишском кооперативе друзья знали и раньше, а со следующим кандидатом Кость планировал встретиться еще до начала всей этой баскетбольной эпопеи. Тоже по делам баскетбольным, только не такого масштаба.

– Предлагаю к Демону в школу заехать. Это близко, да и, думаю, сможем поговорить спокойно. Школа все-таки, там тихо...

Страж брату своему

В небе струятся облака.

Время – забавная штука. Оно течет по земле – и происходят разные вещи. Известный среди паневежской гопоты беспризорник, о котором ходили легенды, что он не дерётся, потому что совсем психованный и бьёт сразу насмерть, становится учителем литературы. Мальчик, спортивный талант которого пестовали и родной, и названные братья, зарывает свой талант в землю, живёт на подачки названных братьев и кривит нос от родного. Затираются связи, истончаются воспоминания. Время течёт. Параллельно меняются поколения, анекдоты, главными героями которых во времена родителей были Сабонис и Ткаченко дети рассказывают уже про Шварценеггера и Сталлоне, а у внуков будут уже свои символы силы и мощи. А вместе с этим – на небе ничего не меняется. Время течет, но каждый раз при наступлении первого весеннего потепления на свежем небе струятся сигаретным дымком блеклые облака.

Демон курил на заднем дворе школы. За задним двором, если быть точным.3 окон классов и коридоров это место уже не просматривается. Только для Даны этот факт значения не имеет. «Нельзя учительскому составу курить на территории школы и на прилегающих к ней территориях». Нельзя подавать плохой пример ученикам, нельзя допустить чтобы

в ответ на запрет курить кто-то из учеников спросил: «А сами-то?» «Нельзя!» – сказала директор. Но Демон курил на заднем дворе: не потому что директор Дана – мама университетского друга Женьки, а потому что дисциплина в школе хромает.

Из-за угла торопливо вынырнул Леша Сокольников, известный среди учеников как Сокол. Да и среди учителей в общем-то тоже. Обнаружив перед собой «русака», замер, словно влетев в стену. Под насмешливым взглядом Демона, огляделся по сторонам.

– Дмитрий Олегович, – наконец-то решился Сокольников. – Давайте, я просто рядом с вами покурю и как будто ничего не было, ладно? А то из туалетов нас сегодня трудовик активно гоняет, а если мне сейчас за киоски идти, то я на урок опоздаю. На ваш же, между прочим... Договорились?

– Кури, – Демон посмотрел на семнадцатилетнего одиннадцатиклассника и пожал плечами. – Как я могу по собственной воле заставлять тебя на урок опоздать... Мой же, между прочим...

По светлому небу расплзались штрихи облаков. Не тех полновесных фигур, на которых любят гадать восторженные адепты эзотерической мути, а напоминающие след самолета, но не тающие тут же на глазах подобно ему, отрезки полупрозрачной туманной материи – не облако, намек. Такие бывают в теплое время года и только с утра. Если повезет с погодой, на выходных можно будет наблюдать рождение

их, развитие и превращение в эти тяжелые мрачные громады небесной архитектуры. Если повезет с погодой и если у Макса с Балу не случится ничего непредвиденного. Шмель так, конечно, будет ныть до последнего, но его-то как раз никто не спрашивает. Право голоса нужно заслужить. А это не так просто. Тем более, когда приходится заслуживать его повторно.

– Дмитрий Олегович, а вы же вчера решали исключить Гноя? Ну, Сашку Гновиченко, в смысле... И что? Решили?

«Вы же» – это учителя. То есть Дана, учительский состав, ну и он, Демон, вместе с ними. «Решали исключить»... То есть, не слишком ребята его словам поверили. Вздыхнул.

– Леш, я вам что тогда говорил? Умудритесь до педсовета без новых инцидентов продержаться – отобьем Сашку. Так?

– Так, – Кивнул в ответ Сокол. – Так мы же вроде и того... Продержались...

– Ну и какие вопросы тогда? Вы продержались, я отстоял. Никто вашего Гноя не исключил. И одиннадцатый он закончит, и в двенадцатый¹⁹, если ничего неожиданного сам снова не отчебучит, его переведут. Но это уже от него зависит, в первую очередь...

– Ясно... – Сокол привычно затушил окурок об стенку. – Спасибо, Дмитрий Олегович. Вы хороший учитель. Серьезно... – и исчез. Видимо, чтобы успеть еще до урока сообщить новость всем заинтересованным. Демон улыбнулся небу.

¹⁹ В Литве в школе учатся двенадцать классов.

Он – хороший учитель. Пожалуй, что так. И дело не в словах искренне обрадовавшегося за судьбу друга по парте, классу и, надо полагать, внеклассной деятельности, Сокола. Будь он плохим учителем, ему, молодому и, в общем-то, еще зеленому специалисту, Дана в жизни бы не доверила после ухода на пенсию их предыдущей классной довести до выпуска 11 «Б». Слишком рискованно для директора, не стала бы она ради друзей сына своей карьерой рисковать. Но – назначила, и никто на учительском собрании не возражал. Опять же – конференция в прошлом году, как раз в конце лета, после Евробаскета. Все вечера после официальной части он проводил в компании заведующей школы-интерната для сирот под Санкт-Петербургом. Они разговаривали о трудных подростках, об интернатах, о подходе к ним – и в последний день неожиданно для него предложила: «А приезжайте, Дмитрий Олегович, к нам! Мы подшефное заведение – честь и гордость и жемчужина, чтобы при необходимости в глаза тыкать – если я скажу, что надо, то вам и с трудовой визой, и вообще с документами помогут. Вы подумайте...» А она – опытный педагог, заслуженный учитель и прочие. Оценила. Да и по собственным ощущениям он – хороший учитель, и, если честно, то, что жизнь практически всех «Дворняг» удалась настолько, насколько можно так оценивать незавершенный еще процесс – не самый последний тому пример, пусть и глупо на полном серьезе говорить, что он, сам тогда еще пацан, правильно воспитал пацанов-сверстников. Если вслух

– да, конечно, глупо. А про себя – про себя можно, тем более, когда действительно так думаешь. На шесть, считая себя самого, но настоящий учитель растёт вместе с учениками, на шесть воспитанников всего одна неудача. И даже после шести лет подкрепленной дипломом педагогической практики безоговорочным провалом кажется только тот, единственный воспитанник. До смешного мало, если по-честному. Впору в Макаренки записываться. Вот только именно из-за этой единственной неудачи хочется выть. Потому что среди всех учеников и воспитанников, друзей и названных братьев, только один за кого ты по-настоящему ответственен перед судьбой, перед собой. Перед кем угодно. Перед мамой. Хочется выть. Хочется выть, хочется кружиться на месте, до крови кусая руки, хочется пойти, и разбивая кулаки в кровь, крошить в мелкую крошку зубы... Всем, пожалуй. Шмелю – за то, что дурак, Балу, Ричу, Максусу и Фанте за то, что допустили, и самому себе – потому что, на самом деле, допустил именно он. Впрочем, Шмель он бил – не помогло, что не удивительно, и облегчения не принесло. Вой тоже не принес. Только и остается: надеяться на что-то, на нечто, которое даст толчок новому развитию событий; да и следить, чтобы Шмель еще глубже куда-нибудь не увяз, да в новое говно не вляпался. И даже самому себе стыдно признаться, что все эти подведенные под рыбалки да шашлыки встречи с Михой для него мучительны, что каждый раз он боится заглянуть в глаза брату. Лучше смотреть на облака – туманные, бесфор-

менные, безобидные.

Пальцы обжег догоревший до фильтра бычок. Демон поморщился и недовольно сплюнул. Так, отставить хуйней страдать. Пора на урок. Там тоже его дети.

– Здравствуйте, дамы и господа! – в кабинет он успел зайти одновременно со звонком и перед тем как поздороваться дал классу еще полминуты чтобы прийти в состояние относительного спокойствия. Спокойствие все-таки получалось слишком относительным. Демон улыбнулся. – Я так понимаю, литература прошлого по сравнению с текущей политической ситуацией вас интересует слабо, и ждать пятницы и классного часа вы не хотите. Что ж, могу вас понять и, пожалуй, могу пойти вам навстречу. Но все-таки пусть в классе настанет тишина и пусть кто-то один внятно сформулирует терзающие вас вопросы. Договорились?

Тишина плавно и медленно расползлась по классу. А со своего места поднялась Марина Крючкова – бессменная, насколько знал Демон, староста класса, редкий для школьных лет типаж компанейской отличницы.

– Дмитрий Олегович, во-первых, спасибо, что отстояли Сашку. Он и все мы вам благодарны за это! Правда! Но... – Марина замялась. – Вроде бы на педсовете не только о нем вопрос решался, да? Мы так поняли, что там вообще... – бодро начав, но не справившись с волнением, Марина беспомощно уставилась на учителя. Демон сокрушенно покачал головой.

– Марина, я у вас русский язык и литературу с пятого класса веду. Я был уверен, что кто-кто, а ты за это время научилась грамотно и внятно выражать свои мысли. Мне обидно и больно узнать, что я ошибался. Ладно. Итак, вас интересуется, что постановил педсовет по поводу «зимних походов 11 «Б», я правильно вас понял? Если коротко и по существу: до полиции дело доводить не будут. И вообще – никого не будут исключать, ничьих родителей конкретно из-за этой ситуации в школу вызывать не будут, оценки занижать не будут, в общем – в этом смысле без последствий. За разбитое стекло в столовой и поломанные там же столы и стулья, конечно, придется возместить, но это мы с вами с самого начала знали. Так что в пятницу мы вскрываем наш сейф и смотрим, что у нас есть: хватит наших усилий или придется просить родителей собирать... – Демон кивнул в конец класса, где в шкафу за застекленной дверцей стояла банка из-под чипсов «Pringles», к которой был приклеен лист с торжественной надписью: «Фонд Спасения». – Я лично считаю, что вы уже достаточно взрослые для того чтобы решить эту проблему своими силами. Глупо, когда за стадо семнадцати-восемнадцатилетних лосей должны отдуваться родители. Но – посмотрим. В общем, и с этой стороны ничего неожиданного или слишком страшного. Ну и главное – если до конца года в классе случаются новые «ЧП» или хоть какие-то яркие события с нарушением дисциплины, на итоговом педсовете будет рассматриваться вопрос расформиро-

вания класса, а с меня в любом случае снимают обязанности вашего классного руководителя и ставят вопрос о моем увольнении. Так что мне остается надеяться, что такие вещи как опоздания на урок и бесцеремонное списывание контрольных Земских у Семеновой не будут учитываться. Такие дела... – Демон пожал плечами и жестом усадил продолжавшую стоять Крючкову. Класс молча переваривал информацию. Дав им на это еще секунд двадцать и убедившись, что тишина из класса никуда не исчезла, Огнев удовлетворенно улыбнулся.

– Ну а теперь, когда мы прояснили ситуацию, вернемся к литературе. Время, скажу я вам, странная штука...

Смешанное с чувством благодарности чувство вины способно сделать послушными даже двадцатку самых разболтанных в школе подростков. Ненадолго, конечно, но на оставшуюся часть урока их хватило. А это немало. Выпустив после звонка одиннадцатиклассников из кабинета, Демон обнаружил скучающих на подоконнике в коридоре Лиздейку и Потёмкинаса. Подошел к ним.

– По мою душу? Пойдемте куда-нибудь во двор, покурим...

Привычное место за школьной стеной уже оккупировали старшеклассники. При виде Демона дернулись, пряча сигареты, но скорее для проформы, чем всерьез. Прошли дальше.

– Помнишь, мы тут как-то поиграть договаривались?

– Угу, – Демон кивнул. – Давайте соберемся, конечно. Только не на этих выходных – мы на рыбалку собираемся, а после – запросто...

– Кхм... – Кость замялся. – В общем, мы тут подумали и решили... Может что-нибудь поглобальнее замутить...

Демон, в отличие от того же АWP, услышав предложение не стал сомневаться в умственных способностях его авторов. Кивнул, как будто не увидел ничего удивительного в том, что его приглашают играть в национальную сборную и первым делом спросил:

– А этого брать будете? Как его... Уж, что ли... – он на самом деле лукавил. И имя, и прозвище «лучшего разыгрывающего СтритБаскет-2000» Демон помнил очень хорошо. Просто он не видел причин показывать посторонним людям, что выбор жюри ему так хорошо запомнился. Организаторы подвоха в вопросе не заметили.

– Хотим, – Кивнул К-1, – но не знаем, можно ли ему вообще в мирских делах участвовать...

– В смысле?

– Андрюкенас в Вильнюсе священником, – Кость, объясняя, замялся, подбирая правильное слово. – Работает...

– Seriously? – Демон присвистнул. Лично для него священники были чем-то вроде космонавтов и биржевых брокеров – они вроде бы существуют, но никак не в его реальности. Потёмкинас кивнул.

– По моим данным – да, абсолютно серьезно. И вроде бы

на очень хорошем счету в Вильнюсской епархии или как там это у них называется... В общем, бог его знает, что он решит...

– Хороший игрок, – Демон вспомнил их противостояния на площадке и кивнул сам себе. – Действительно хороший. Я бы на вашем месте постарался его уговорить...

– А сам-то что? – нетерпеливо спросил Лиздейка.

– Почему нет... У меня график учительский, летом я свободен... Да и с Балу могу поговорить, и с Максом... Остальных наших, пожалуй, трогать не стоит. И да – Шмель будет играть.

– Шмель? – Кость замялся. – А он разве...

– Он будет в форме. – Демон безапелляционно прервал Потёмкинаса. И мягче, примирительно добавил. – А талант, как известно, не пропить...

* * *

– Ну вот, и после нового года их классная ушла на пенсию... Она знаешь, долго туда собиралась, про нее дети шутили: «И все химоза на покой идёт-бредёт сама собой»... Ну и ушла, наконец. Она у них с пятого класса руководителем была. Вот они и взбесились. По мне так вполне естественно. Прямо как в этом сериале, по первому балтийскому шел парю, что ли, лет назад... Не смотрел? Ладно. В общем, началось все с банального падения дисциплины и детской бузы,

а закончилось уже вполне себе серьёзным хулиганством. То есть, как «серьёзным» – глупым и детским, но уже подсудным. А Дана наша всё это время думала – что да как. Одиннадцатый класс – серьёзное дело, кого угодно им в классные на последние два года не дашь... А когда началось – уже по-другому запела. Репутация школы, исключения, привлечения, нужно чтобы хоть кто-то официальный был... Вот только кому этот гемор нужен за несущественную добавку к зарплате, дураков нет. А мне детей жалко, я на их геройства смотрю и нас вспоминаю... – Балу молча и даже как-то безучастно слушавший рассказ Демона при последних словах скептически кашлянул. Демон оборвал речь.

– Нет, ну не совсем «нас», конечно. Но в том-то и дело. Мы знали, что делаем, знали почему это делаем и знали, что нам грозит и что светит. Да и лучшего выбора у нас не было. А эти... Говорю же – по глупости детской. Жалко...

Да уж, чем-чем, а детской глупость назвать путь «Дворняг» никак нельзя, с этим Балу был полностью согласен. Путь группы детдомовских выкормышей, сбежавших в подростковом возрасте из детдома, прошедших путь от беспризорников до малолетних бандитов. Путь стаи, осиротевшей в одночасье, когда их вечный предводитель, уезжая в Вильнюс, заявил: «Все, детство кончилось и всю хуйню надо оставлять в детстве», решив за них, превратив их из молодых бандитов в молодых предпринимателей. Он всегда решал за всех – решал с детдомом, решал со школой, и чуть позже –

с легендарным в городе Ковром, папочкой совсем уже оборзевшего в последнее время Феникса. И «Дворняги» ему верили. Всё, что делалось ими, делалось, в общем-то, именно для этого – чтобы однажды шагнуть, прыгнуть, ухватится зубами – и начать жить, оставив всё лишнее в прошлом. Слишком высока была цена этого шага, чтобы переживать еще и о налогах. Главное – получилось. Самый молодой из лейтенантов Ковра успешно превратился из Демона в Дмитрия Олеговича, пройдя через промежуточную фазу «студента Димочки». Трехкратный чемпион Паневежиса по кикбоксингу среди молодежи, золотой призер нескольких математических олимпиад, верная тень Демона Балу стал вдруг генеральным директором ЗАО «Дворняги» Вайдасом Балтушайтисом, а в соучредителях фирмы также числились Ричардас Тонкус, Мариус Григалюнас, Повилас Микщис – Рич, Фанта и Макс. Шмелю, когда Демон уехал учиться в столицу, оставалось три года до аттестата. Ответственность за него на это время ложилась на только что организованное закрытое акционерное общество и была прописана в тайном уставе, торжественно подписанном всеми, включая Демона, «дворнягами», на прощальной попойке. Согласно тщательно продуманному плану, по окончании литовской средней школы «паневежский самородок» Михаил Огнев должен был превратиться в студента-стипендиата одного из американских колледжей-университетов. В мечтах «дворняг» романтично маячил Университет Северной Каролины, но, в целом, они

были готовы рассмотреть предложение любого учебного заведения, с командой в любом из Дивизионов NCAA... Какое-то время тайный устав был у стаи излюбленной темой для шуток, пока в одночасье упоминание его не попало под не озвученное, но всеми принятое табу.

– Вот я и впрягся за них. Испытательный срок выпросил... Посмотрим... – Демон щелчком отправил окурочек через пассажирское окно Mercedes-Benz GLK350 Балю. – Ну и где этот долбоеб? Уже пятнадцать минут как...

– Подняться? – коротко спросил Балю. Они стояли во дворе дома, где была снимаемая «Дворнягами» для Шмеля квартира. Двушка на третьем этаже. Покупать ему жилье запрещал Демон: «Не надо чтобы он считал, что у него в этой жизни что-то постоянное», – говорил Дима, подчеркивая голосом «в этой». – «Пусть понимает, что все это пройдет». Сейчас Демон качнул головой, отказываясь от предложения ближайшего друга.

– Я сам.

Разрешив Демону исчезнуть за дверью подъезда – на пороге тот замер, но, тряхнув головой, резко рванул вглубь. Балю вышел из машины. Медленно, с улыбкой вспомнив про американские «Миссисипи», досчитал до пяти, нажал кнопку на брелоке, ласково погладил машину по крыше, когда та отозвалась мягким благонадежным щелчком – и пошел к братьям.

Демон жал на звонок. Долго. Непрерывно. За дверью ощущалась жизнь, но впускать в себя его – Демона – эта жизнь не спешила. Наконец дверь начала открываться.

– Какого хрена? – не успевший дойти до логического завершения вопрос принадлежал шуплому мужчине в домашних тренингах и с голым торсом. Незнакомому Демону мужчине, отлетевшему к стене, когда Демон, толкнув дверь и того, кто открыл её, вошел в квартиру. Быстро огляделся, оценивая. Охающий мужик у стены, по правую руку от него. Два шага и поворот налево – на кухню. Там тихо, значит, скорее всего, пусто. Стремительно прошел по коридору до упора. Развилка. Налево – комната, которую Шмель величал рабочим кабинетом, так ни разу и не сумев вразумительно ответить какой же работой он там занимается. На двери ножом выцарапано что-то напоминающее скрипичный ключ и какие-то совсем неразборчивые узоры. Дверь закрыта. Направо – спальня Шмеля. Не входя, окинул комнату взглядом. Открытая дверь балкона, на балконе двое курят. Еще двое сидят на полу, между ними – кальян. За столом у правой стены, блаженно откинувшись на спинку стула, запрокинув голову сидит еще один. Судя по всему – в отключке. Перед ним на столе – шприц. Напротив стола, у левой стены одноместная кровать. На ней, ногами к выходу лежит Шмель.

Поднимает голову:

– Дьмн... – нн невнятно называет брата, так, что и не скажешь, какое из обращений Шмель имел в виду: «Демон» или «Димон». – Мы тут с друзьями... Отдыхаем... Я, пожалуй... Не поеду...

Стали подниматься сидящие на полу любители кальяна. Медленно. Шевеление у дверей балкона. Слишком медленно. Человек за столом пытается вернуть голову в естественное положение. Просто смешно. Прямой рывок на балкон, прямо через кальян, даже не остановка – замедление на долю секунды для того чтобы ребрами ладоней выключить курильщиков. За это время один из тех, кто предпочитает сигареты пише успевает войти в комнату, оказывается прямо лицом к лицу с Демоном. Его – лбом в точку над переносицей и откинуть в сторону. Второго, еще оставшегося на балконе, можно даже не бить. Просто толкнуть, удержав в последний момент. Или нет...

– Демон!

Удержал. В последний момент Демон схватил последнего из держащихся на ногах, не дав тому свалиться с балкона. Дернул, бросив себе под ноги. Обернулся к стоящему на пороге комнаты Балу.

– Проводи гостей и собери его вещи, хорошо? Мы внизу подождем.

Балу, усмехнувшись, кивнул. Демон нагнулся над братом, продолжавшим лежать в кровати. Несколько секунд смотрел

на него. Вздохнул, повернувшись к Балу.

– Боюсь, покалечу. Можешь?

Балу пожал плечами и встал рядом с Демоном. Дружелюбно улыбнулся лежащему хозяину квартиры:

– Привет, Шмель! Ты собрался?

Шмель неуверенно кивнул.

– Да, но я лучше... – он все еще не до конца ясно оценивал происходящее. Балу не стал дослушивать.

– Где вещи?

– В рюкзаке, в кабинете, но...

– Хорошо. – Балу кивнул и коротким ударом нокаутировал младшего из «псов». Повернулся к Демону. – Бери. Всегда пожалуйста. Дай мне минут пять.

* * *

Шмель мирно посапывал на заднем сиденье. Балу кинул рюкзак прямо на него. Захлопнул заднюю дверь и сел на место водителя. Завёл машину. Сидевший до этого с закрытыми глазами Демон посмотрел на него.

– Жить будут, – Балу правильно понял немой вопрос. Выехал с дворовой площадки, усмехнулся. – С возрастом ты все-таки лучше себя контролируешь.

– Никогда не любил драться, – Демон коротко улыбнулся в ответ. – Спасибо.

– Для чего еще нужны друзья, – Балу пожал плечами.

Машина влилась в пятничный поток автомобилей. Балу коротко глянул на часы на водительской панели.

– Нормально. Будем на месте около девяти, Макс с Фантой как раз успеют баню растопить как следует.

– А Рич?

– Рич... – Балу замялся. – Может быть завтра подъедет. Если Фанта будет в состоянии за руль сесть...

Не дожидаясь уточняющих вопросов Демона, Балу включил кнопку магнитофона. Салон заполнился классическим, не оставляющим места для разговоров, рок-н-роллом. Демон кивнул сам себе и закурил.

Бизнес «Дворняг» помимо прочего включал в себя стремительно набирающий обороты в Литве «деревенский туризм». Собственно «туризмом» это времяпровождение, конечно, не было. Просто чем больше росли цены в литовских барах и ресторанах, отдаляясь от кризисных зарплат простых смертных, превращая метафорический призыв правительства Кубилиуса «затянуть пояса» в реальность, тем выгоднее становилось даже для студенческих компаний просто связаться с кем-то вроде «Дворняг» и снять на выходные усадьбу, где-нибудь за городом, и самим уже – с помощью «Норфы», «Центо» и продуктовых рынков, где всегда можно сторговать лит-два – озаботиться меню. Всё чаще люди предпочитали снимать усадьбы на природе и для более крупных торжеств – свадеб, юбилеев, корпоративов и прочего. В зависимости от потребностей и возможностей клиентов

«Дворянги» могли просто предоставить импомещение, могли также обеспечить обслугу и кухню, могли взять на себя всю праздничную программу. В основном «Дворянги» просто арендовали усадьбы у перебравшихся в город выходцев из сельских мест, но иногда покупали землю и превращали участки в «Вип-базы». Таких «баз» на данный момент у фирмы было четыре, обустройство последней, в районе Утяны, завершилось только в марте этого года – и именно туда Огневых сейчас вез Балю. Попасть на любую из этих баз можно было только заранее зная маршрут: на картах спутниковых навигаторов ни усадьбы, ни подъезды к ним не обозначались. Впрочем, так часто бывает в лесной местности, ничего удивительного. Словом, «Вип-базы» были действительно «ВИП». Для тех, кто понимал.

Уже поздно ночью, когда распаренные и довольные «псы», запахнувшись в банные халаты, сидели в прогретом предбаннике, потягивая пиво и лениво зажёвывая его всевозможными закусками, Демон, наконец, спросил:

– Ну так что у вас за проблемы?

Балю с Максом переглянулись между собой, но не ответили, предпочтя забить рот – кто чем. Балю всыпал в пасть целую горсть орехов, а Макс старательно обсасывал копченое куриное крылышко. Ответил широко улыбнувшийся Фанта:

– А давай ты расскажешь с чего ты вообще взял, что они у нас есть? И, если уж на то пошло, то сам ты как думаешь?

Демон согласно кивнул. Затянулся и затушил в пепельни-

цу окурок. Взял со стола апельсин и, подкидывая его в руке, поднялся, встав так, чтобы быть лицом к каждому из присутствующих. Кроме сидящего с самого края скамейки Миши.

– Ладно, – он подкинул апельсин в руке и резко кинул его Фанте. Фанта поймал и сразу же отправил назад. Апельсин снова оказался у Демона. – Ладно. В конце февраля во время телефонного разговора Балу сказал, что к десятому примерно марта эта база будет готова. Но она как-то больше для лета подходит, поэтому соберемся мы в ней, наверное, где-нибудь в конце мая, опробуем, а там решим – кому её этим летом предлагать. А весной соберёмся под Укмяргой или на Каунасской. Всё так было? – апельсин полетел к Балу. Тот, поймав его, вернул в вазу с фруктами.

– Так.

– Хорошо. – Демон нагнулся и на этот раз выбрал из вазы манго. – Я с Балу согласился и действительно считаю, что это логично. Если тут у вас всё под летний отдых заточено, то зачем сюда весной ехать? Холодно, заняться особо нечем, а бани у нас везде по лучшему разряду. Однако! Две недели назад мне снова звонит Вайдас и сообщает, что вы все по нам со Шмелём соскучились и не пора ли нам встретиться посидеть? Заодно, говорит он, и новую усадьбу проверим. Для справки, – Демон, поколебавшись, запустил манго в Макса, – в то время ночью еще минусовая температура стояла. Не странно ли?

Макс повертел манго в руках и передал фрукт сидящему

по правую руку от него Балу. Балу вздохнул, но все-таки бросил манго Демону. Демон удовлетворенно кивнул.

– Тут еще можно упомянуть тот факт, что буквально за пару дней до этого, второго звонка Вайдаса наш любимый Сейм принял очередную поправку к закону о кассовых аппаратах, обязав ставить их всех-всех-всех и Винни Пуха, а наш сверхкомпетентный премьер пообещал, что вот-вот прямо сейчас они начнут активно-преактивно помогать малому бизнесу выходить из чёрной зоны экономики, из серой зоны, из тени, легализоваться полностью и бесповоротно, наконец-то заплатить все налоги и упокоиться с миром. Фанта, как ты думаешь, всё это какое-нибудь значение для нашей диспозиции имеет?

Фанта хмыкнул и, оставив возле себя прилетевший ему манго, запустил в Демона яблоком.

– Убедил, у нас есть проблемы. Расскажешь о них?

– Легко. – Демон крутанулся на месте. – Я думаю, наш дорогой друг Феникс, неутомный наш Сереженька Ковров, царствие небесное его папе, решил, что возникшая ситуация, очередной всплеск активности налоговиков, еще большее падение привлекательности торговли по патентам, всё это в совокупности – подходящий момент для того чтобы наконец-то отобрать у вас автомобильный базар, а в идеале – вообще вытурить вас из Паневежиса. Он же, как мы прекрасно знаем, глубоко убежден, что Виталий разрешил нам обосноваться на автобазаре исключительно по глупости, мы

Ковра нагло обманули, его доверием воспользовались – и если бы Ковер не погиб, то он бы нас сам оттуда вытурил, а сына своего любимого туда поставил. – Демон вдруг замолчал, рванулся к столу, налил в одну из рюмок водки, игнорируя ряд более благородных напитков, и выпил, не закусывая. Продолжил. – В общем, Феникс решил, что настало время на «Дворняг» накатить по-настоящему. И именно поэтому мы сейчас сидим в самой малоизвестной усадьбе, именно поэтому вы хотите, чтобы в Паневежисе постоянно кто-то присутствовал, именно поэтому жратву и бухло везли Макс с Фантой, а багажник Балу был заполнен ящиками, отправившись на чердак главного здания... – на этот раз яблоко полетело к Балу так резко, что тот еле успел его поймать. – Вы на старости лет охуели, впали в детство и собрались воевать. Так?

Под пристальным взглядом Демона Балу с хрустом откусил от яблока. Заговорил Макс.

– А ты думаешь, у нас есть выбор? Демон, это тебе хорошо в твоей школе. Что тебе грозит – кнопку тебе на стул подложат. Максимум! А у нас все серьезно. И отдавать то, что мы столько лет строили Фениксу просто так мы не будем. При всём уважении к его папе... Поэтому выбор прост: либо он нас всех положит, либо мы его. Вот и всё. Больше выбирать не из чего.

– Я с вами, – наступившую после слов Макса тишину прервал молчавший весь вечер Шмель. – Может хоть так от ме-

ня толк будет...

Никто ему не ответил, только Демон злобно сплюнул себе под ноги. В самобичевании и картинном самоуничижении Шмеля ничего нового не было. Каждый раз после того как Демон или кто-то другой из «Дворняг» находил Шмеля в состоянии, аналогичным сегодняшнему, Шмель несколько часов угрюмо молчал, а потом начинал каяться. Изменений в образе жизни Михаила при этом не происходило. Впрочем, участие в бандитской войне требовало бы куда меньше волевых усилий, в своем заявлении сейчас Шмель был искренен.

– Значит я прав, – Демон вернулся за стол и неторопливо закурил. – Хорошо. Плохо, что вы – гордые идиоты, хорошо, что мне решение проблемы само в руки пришло. Балу, сколько раз говорить – если я не занимаюсь бизнесом с вами и живу своей жизнью – это не значит, что меня можно исключать из принятия ключевых решений. Пока вы ведёте себя как подростки ненастрелявшиеся, нельзя меня исключать!

– То есть, у тебя есть решение? – терпеливо переспросил Балу, игнорируя прозвучавшие претензии. Они готовились к этому разговору, они знали, что Демон не одобрит их тактику и полностью принимали его право на критику. Они даже догадывались, что он достаточно точно оценивает ситуацию и сам. Вот только в то, что у него будет эффективный план, они не верили.

– Есть. Вам просто нужно стать недостижимыми для Фе-

ника. Как вы думаете, если ЗАО «Дворняги» станут генеральным спонсором важнейшего для всей Литвы мероприятия, если его руководители станут национальными героями – ползет Феникс на вас с прямым насилием? Черта с два! Ибо тогда такая вонь поднимется...

Фанта согласно кивнул. Макс с Балу переглянулись. Макс пожал плечами.

– Допустим, – Медленно сказал Балу. – И как ты себе это видишь?

И Демон рассказал – как.

Врачу, исцелися сам

«Привет, мой дорогой!»

По поводу твоего последнего письма... Во-первых, я рад за твое здоровье – хорошо иметь прямой доступ к витаминам. Хотя, прошу тебя, не забывай все же, что воровство – это грех. Насколько я понял, вам все-таки не разрешается ни есть на месте, ни тем более выносить фрукты из цеха. Мелочь, конечно, но ты же знаешь – обвал начинается с падения маленького камушка. Так что, пожалуйста – думай, что ты делаешь. Ладно?

Во-вторых... Во-вторых, меня очень радует настроение твоих писем. Приятно, очень приятно понимать, что мой друг наконец-то нашел себя. Пусть и в английском пакхаусе. Разве же это плохо? Это замечательно, это его выбор и он сделал его! Не всем быть менеджерами, директорами, и уж тем более не всем быть политиками и вождями, правда? Заяц, это была достаточно толстая ирония, так чтобы даже тот, кто в силу своего рабочего графика читает только анекдоты в интернете, её понял. Ты понял, правда?

Я понимаю, мы с тобой много раз об этом говорили. И да – кто я такой чтобы судить? Я прекрасно знаю: «Не судите и не судимы будете». Всё так. Но я уверен – ты не до конца понимаешь, что делаешь, если понимаешь вообще. А как твой духовный наставник (ха-ха) я не могу просто от-

ступиться и оставить тебя в заблуждении.

Дорогой мой Андрей (Андрюс, Андреюс – к какому бы из вариантов ты сейчас не склонялся), вот чего ты не можешь понять: есть святость, есть добродетель, есть грех, есть самоубийство. И не случайно нет ничего страшнее последнего. Потому что если грех – это издержки слабости духа человеческого, это неизбежные ошибки на пути свободного выбора в поиске Бога – поиске уникальном для каждого, то самоубийство – это отказ. Отказ от свободной воли, отказ от себя, отказ от Бога. И поэтому то, что делаешь ты – это самоубийство. Ты отказываешься. Ты хоронишь себя заживо. Ты себя тушишь. Почему? Что за неполных тридцать лет твоей жизни случилось такого, что заставляет тебя отказаться от своего пути, от своего огня? Ты ведь даже не в людях разочаровался – в системе. И поэтому ты решил что? Ты решил из неё выпасть. А хочешь, я напомню как всё начиналось? Мы сидели тогда в «Чили»²⁰ на Диджиойи, справляли три года окончания школы. Почти всем классом. И ты тогда объяснял: мне, Артурчику, Виктории и Йолите, что понимаешь: вступить в партию (любую!) – глупость, если только ты не намерен побороться за то, чтобы политика наконец-то начала служить людям. А ты – говорил ты – намерен!.. Так что же?

И не надо мне рассказывать про юношеский максимализм, Андрей. Я тебя с детского сада знаю. Максимализм

²⁰ Сеть пиццерий

– часть тебя: он у тебя был младенческим, детским, подростковым, да и старческим будет – если доживешь. Другое дело, что если ты собираешься доживать до старости так – то он у тебя будет выражаться в третировании тех, кто рядом с тобой. Ибо – всё плохо и должен же в этом быть кто-то виноват. Правда? Бедные, в таком случае, твои дети... Бедная твоя жена... Кстати, привет Неринге. Рад, что вы решили поменять ей фамилию. В нашем мире, когда разница между сожителем и браком (во всяком случае, светским) становится всё более номинальной, смена фамилии – серьезный и правильный шаг. Но всё-таки – подумайте о венчании. Ибо даже союз сильных людей крепче в разы, когда его охраняет Бог...

Но вернемся к нашим баранам. То есть, к барану. В смысле – к тебе, Заяц. Если бы наша беседа происходила вживую, то как раз сейчас ты бы, скорее всего, припомнил мне мой выбор. Да? Я тоже долгое время сомневался в том, куда мне идти, и очень может быть, что пошел не туда... Не может. Знаешь почему? Потому что мой путь, так как он видится мне, заключается даже не в служении Господу, а в посредничестве между ним и людьми. И в этом смысле не было большой разницы кем я стану: верующим физиком или изучающим физику священником. И в том, и в другом случае я по мере своих сил занимаюсь тем, что пытаюсь помочь миру понять божественное, просто нужно было решить на каком из этих путей я смогу продвинуться дальше в этом

служении. Если бы Господь дал мне чуть больше таланта в Игре, то и она была бы возможным третьим путем, потому что по моей глубокой вере, во всяком случае для нашего народа, баскетбол является наиболее очевидным и наиболее эффективным инструментом благодати Божьей. Эффективнее самой Церкви, да не сочтутся эти мои мысли богохульством.

Это напомнило мне, как однажды – в прошлом году – я водил Вику на трансляцию матча «Литва – Германия». Одиннадцатого сентября, в десятилетие трагедии, которая, что бы там ни говорили о ее политической подоплеке, все-таки сильно поколебала веру нашего мира в светлое, в подвальном баре в центре Вильнюса волна эмпатии, энтузиазма, воодушевления объединила совершенно разных людей – разных возрастов, социального положения, национальностей... Они все просто собрались посмотреть баскетбол в этом баре. Они вышли из этого бара с чувством веры в светлое будущее, с чувством единения... Друг с другом? С народом? По-моему, с Богом. Вика, конечно, с этим не согласилась – у нее были свои философские объяснения, ну да ладно. Посидели все равно хорошо.

Ты, кстати, с ней не списываешься? Если нет – зря. У вас много общего. Она тоже, будучи магистром современной философии, решила в конце концов «в народ» податься. Ну, хотя бы не так приземленно как ты – буквально не так приземленно. Она теперь стюардесса. С прошлого но-

ября. EasyJet, знаешь таких? Они английские, она сейчас где-то рядом с Лондоном живет и жить будет... Так что вы соседи – вот тебе еще одна общая черта. Плюс – я вас обоих люблю, конечно...

У меня, в целом, всё в порядке. Последние сериш «Большого Взрыва» разочаровывают, впрочем, как и весь пятый, да и четвертый сезон. Жалко. Первые сезоны казались очень даже удачными.

Ладно, Зайчик, как бы там ни было – держись и не держи на меня зла за резкость. В конце концов – кто тебе ещё мозги прочистит, если не друг-священник?:) Я понимаю – всем нужны привалы и периоды спокойной жизни. Ты только сам помни: если привал слишком затягивается – на месте военного лагеря вырастает город, а бывшие солдаты превращаются в бургеров. А оно тебе надо? Благослови тебя Б ог, Андрей. Пиши ещё!

Твой Уж!»

*** * ***

Впервые они встретились на перемене. Если это можно считать полноценной встречей – хрупкая тоненькая девочка-спичка с выразительными глазами, волевым лицом и короткими черными волосами прошла в сопровождении их классухи мимо них в кабинет директора. С кожаного мальчикового рюкзака у неё за спиной улыбалась наклейка «доб-

рого привидения» Каспера.

– Какая... – на выдохе, с нескрываемым восхищением произнес десятиклассник Уж. – Как ты думаешь, к нам?

Его друг, одноклассник и вечный сосед по парте Заяц сосредоточенно думал. Родители Зайца, будучи хоть и литовцами, но ссыльными – родившимися и прожившими всю молодость где-то в холодных регионах России и переехавшими в Литву только в начале девяностых – отдали сына в литовскую школу, но старались привить ему если не любовь, то неплохое знание русской культуры. Мама его вообще была литовской только номинально – по отцу, который, по её словам, литовского в себе имел только фамилию. Сейчас Андрей вспоминал стихи одного из русских классиков – что-то про «мгновение» и «чистую красоту». Строфа целиком не складывалась, и Андрей сдался. Тем более все равно поделиться к месту вспомнившейся цитатой было бы особо не с кем – ценителей и знатоков русской поэзии вокруг него на данный момент не наблюдалось. По правде говоря, рядом с ним не наблюдалось никого кроме Ужа. Андрей повернулся к нему.

– Вообще, логично предположить, что да. Иначе зачем бы её Лайма сопровождала? Пойдём, а то чаю попить не успеем.

Следующим уроком был английский, время на котором друзья традиционно проводили за игрой в «точки». Начальная стадия игры проходила с переменным успехом и, к моменту, когда в класс зашли классная и новая ученица их

класса, стороннему наблюдателю даже могло казаться, что шансы на успех в партии обоих противников все еще равны, но на самом деле – и это одинаково хорошо понимали оба – победа уже была за Ужом. Самого Жильвинаса, традиционно выигрывающего у Андрея три игры из пяти, это сейчас мало интересовало.

– Это что, она её к нему?..

Перегруженный местоимениями вопрос друга был понятен Андрею. Единственное свободное место в классе было за партой Лабанаускаса – местного представителя той породы одноклассников, вместе с которыми обычно никто не хочет сидеть, да и они сами прекрасно обходятся без компании. Лайма заканчивала представлять классу Викторию – так звали новую ученицу. Широким крестом Заяц перечеркнул поле боя и, шепнув другу: «Боевая ничья», встал с места:

– Знаешь, Жильвинас, от кого-от кого, но от тебя я таких националистских взглядов не ожидал! Ну и пусть он играет за Россию, он не становится от этого предателем Литвы. Не его вина, что в Литве нет хоккейной сборной! В конце концов, Хомка и компания тоже за Союз играли – и что? – чувствуя, как взгляды всех находящихся в классе обратились к нему, Андрей завершил свою тираду коротким выводом. – Не буду я с тобой сидеть после этого.

Красивым броском он отправил свой рюкзак через весь класс точно на парту Лабанаускаса и сам полным достоинства шагом проследовал туда же. – Лучше уж с Лабасом си-

деть, честное слово...

Устроившись на новом месте, решил вспомнить о так и застывших, наблюдая за разыгрывающейся сценой, учительницах и новенькой.

– Простите, что прервал. Просто с некоторыми вещами мириться нельзя. Виктория, от лица всего класса – добро пожаловать в наш коллектив!

Андрей сел. Классная выдохнула и обратилась к девочке:

– Вот, Виктория, это – Андрей Кишкис, наш староста. Если у тебя будут какие-то вопросы – ты всегда можешь обращаться к нему. А пока давай посадим тебя... – теперь единственное свободное место было рядом с Андрюкенасом. – Ну, садись пока рядом с Жильвинасом. Он тоже очень хороший мальчик, на самом деле, не знаю, что у них с Андреем произошло...

Проследив как Виктория робко проследовала к парте Ужа, Лайма обвела класс взглядом. – Мы обсудим сегодняшнее происшествие на классном часу. А пока – не буду вам мешать.

– So, we all happy to meet our new friend Viktoria²¹, – начала англичанка, когда за классухой закрылась дверь. Виктория в это время наклонилась к Ужу:

– Вообще-то я тоже частично русская...

– Ну, Заяц... – вздохнул Уж. В отличие от российской по-

²¹ Итак, мы все счастливы поприветствовать нашего нового друга Викторию (англ).

эзии, советскую мультипликацию он знал неплохо.

* * *

– А в конце концов все упирается в принцип квантово-волнового дуализма и все рассуждения о преимуществах одной теории природы света над другой становятся просто смешными спекуляциями. И опять интересным все это становится только тогда, когда в уравнение включается еще и библейская концепция света – и тогда перед нами оказывается открытое для игр разума поле под общей темой «Законы Физики и Ветхозаветная Онтология»...

– Тебе все это по-настоящему интересно, да? – Виктория отложила учебник и откинулась на кровати. Уже неделю они каждый день проводили по несколько часов или у неё дома, или у него, готовясь к экзамену по физике. Точнее, Вика не пыталась обманывать себя – Уж натаскивал её. В том, что сам Жильвинас сдаст экзамен на 90 и больше пунктов сомневаться не приходилось. Сегодня они занимались у Ужа и Жильвинас, уступив даме место на кровати, подобно заправскому лектору ходил по комнате, отправляя время от времени миниатюрный мячик в прикрепленную над дверью миниатюрную версию баскетбольного кольца. На нём были спортивные штаны свободного покроя и рубашка с коротким рукавом. Вика же была одета в короткие, на грани приличия, шорты и маечку – такую, о которой, с одной стороны нельзя

сказать ничего плохого, с другой – когда вот так, как сейчас, девушка ложилась на спину, маечка натягивалась. и девушка знала об этом. Впрочем, как и о том, что Жильвинас не будет предпринимать никаких действий, предпочтя не замечать ни форм, ни намёка. В эту игру они играли уже давно. Слишком давно – как на взгляд Вики, упорно продолжающей подталкивать Ужа к действиям или хотя бы к объяснениям, так и на взгляд Жильвинаса, не менее упорно игнорирующего действия Виктории. Третьим человеком, считающим, что их игра слишком затянулась, был Заяц, но его в комнате не было.

– Пересечение религии и науки? Да, – Жильвинас качнулся на месте, пытаясь найти место откуда он может вести диалог так, чтобы изгибы Викиной майки не цепляли взгляд, но и его нежелание включать их в поле зрения не было слишком очевидным. Наконец, уселся на подоконник: оттуда ему были видны ступни и голова гостыи, остальное закрывал письменный стол. – И одна, и другая пытаются найти какие-то основополагающие принципы нашего мира, но при этом за чем-то каждая критикует то, что удалось накопать другой. Хотя, казалось бы, если основная цель – правда, а не доказательство собственной правоты, то в чём же дело?

– Но Бог есть? – Вика перелегла на бок и подпёрла рукой голову.

– Бог есть, – Жильвинас убеждённо кивнул. – Но это не противоречит ни одному из законов физики, так что зря ты

пытаешься поймать меня на противоречиях...

Несмотря ни на что им было по-настоящему интересно друг с другом.

* * *

– Спичка, ну как тебе ещё объяснить-то: он верующий. Причем не так, как это принято: ходишь в церковь раз в неделю, шапку при входе снимаешь – значит ты чист перед Богом. Он со всего размаху пытается понять, что Богу от людей надо, и как он может в этом Богу помочь....

– А, в общем, я мешаю их с Богом взаимоотношениям, да? Заяц любил их уединенные прогулки: если не считать домашних, Виктория была единственным человеком, с кем он разговаривал по-русски. Но всё чаще последнее время их разговоры крутились вокруг Жильвинаса и нежелания Ужа развивать их с Вичкой отношения. И это напрягало.

– Ты, как таковая – нет. Те чувства, что он к тебе испытывает – возможно. Во всяком случае до тех пор, пока Бог у него – Бог христианско-католический, совершать осознанный грех он не будет. И не потому что боится прогневать Бога....

– А потому что это недостойно, да. – Вика вздохнула. – Заяц, сейчас экзамены прошли, выпускной отгремел, лета всего ничего осталось. Пройдет оно – и всё, разбежались, в общем. Дальше другая жизнь, другие мы – и хорошо, если мы

вообще будем иметь хоть какое-то отношение к нам школьным...

– Это как? – в первый раз за этот разговор Зайцу стало интересно, но Вика только дернула плечами.

– А так... Есть у меня одна мысль... В общем, жизнь человека ни фига не прямая непрерывистая линия, она скорее как набор параллельных отрезков, выстроенных «лесенкой». В общем... Мне-то что теперь делать?

Андрей пожал плечами. Больше всего в этих беседах его напрягало то, что искренне любя их обоих, ни одному из них он не мог предложить дельный совет. Единственное, что ему оставалось – неловко сменить тему.

– Для начала – приходи за нас болеть. Мы со следующей недели в «Стритбаскете» всех рвать будем.

* * *

Церемонию вручения Жильвинас почти не заметил. Он даже пропустил момент, когда его объявили «лучшим разыгрывающим», среагировав только на толчок стоящего рядом Зайца: «Иди, Уж, ты – звезда». Всё это время он думал о состоявшемся прошлым вечером разговоре с Вичкой. О наконец-то случившемся разговоре.

Вчера они отмечали финал «Стритбаскета» и своё третье место на турнире. «Есть куда расти, жаль только, что уже некогда», – так открыл вечер Андрей. – «Останемся в памяти

масс бронзовыми призёрами, что поделать. Значит, за «Королей Улиц», королей-недоросликов»!

– Ну да, вы со своим кольцом не меньше Фродо носитеесь... – прокомментировала тост Вика – единственный посторонний принятый в компанию команды. Сидевший рядом – он всегда сидел где-то рядом – Уж повернулся к ней:

– Моя прелессссть!

Вика фыркнула:

– Не ври, мяч – твоя прелесть, а не я. Если бы ты им еще и делился чуть чаще, как, вообще-то, таким как ты и положено, вы бы, может, сейчас первое место отмечали... В общем, раз уж ты заговорил... – с этими словами, она потянула Ужа из-за стола. На их шевеление отреагировал Римлянин:

– О, точно, пойдёмте покурим! – Рванулся он, но тут же был принят «на корпус» Коксом. Замер, и, наконец, оценив ситуацию, сел на место. – Уж же не курит...

Зайцу же вспомнилась фраза, с помощью которой, по мнению его репетитора, легко запоминаются наречия-исключения в русском языке. Он огляделся вокруг, но единственная в их компании, кто могла бы сейчас оценить уместность каламбура «Уж, замуж, невтерпеж», как раз покинула стол. Да и она, скорее всего, не пришла бы от шутки в восторг. Могла бы даже в лицо заехать...

Компания собиралась в баре, рядом с «Меркурием» – безымянным и потому, называемым по имени магазина, в тени которого прятался. Местный пивной бар, ставший в про-

цессе взросления чем-то вроде «штаба» – такой есть у каждой компании. Ничего особенного. Ни в его меню, ни в его интерьере, ни в площадке перед ним – в данном случае это вообще была автомобильная парковка. Поэтому обычно, когда выходили из бара не просто покурить по-быстрому, но и поговорить по душам – отходили как раз за магазин, в небольшой скверик с несколькими скамейками. Но Вика к удивлению Ужа, пройдя прямо на центр парковки, встала рядом с чьим-то мотоциклом. Мало того, положила руку на руль.

– Вот, смотри. Я давно с родителями на тему подарка в честь окончания школы договаривалась, но так до конца не верила, что они купят. А вот... В общем, ещё несколько дней назад подарили, но вам тогда не до этого было. Показываю сейчас.

– Поздравляю... – начал Жильвинас, но осекся. Вика нетерпеливо цыкнула на него.

– Молчишь, когда не надо, так и сейчас не перебивай. В общем... – Она помолчала, решаясь. – Слушай. Вы завтра отстаиваете эту «церемонию вручений» и всё – ты свободен, так? – Жильвинас осторожно кивнул.

– Так, – удовлетворенно повторила Вика. – Так вот, слушай... Завтра, в семь вечера, с этой площадки я отъеду в сторону Тракайских озёр и проведу возле них следующую ночь – в палатке и двухместном спальном мешке. Как ты видишь, это транспортное средство тоже двухместно. В общем, зав-

тра. В семь. Вечера. Решай. – Проговорив последние слова так, словно забивала ими гвозди, сосредоточенно при этом глядя на шляпки, Вика, наконец, подняла глаза на Ужа. – Ну а я пока поеду. Парней от меня поздравь ещё раз, ладно?

На самом деле, воспринимать происходящее рядом с ним Жильвинас перестал уже тогда, сразу после того, как мотоцикл Вички свернул с площадки, выехав на бывшую «улицу Космонавтов». На автопилоте вернулся в бар, пробормотал что-то о том, как у Вики образовались дела и просидел весь остаток вечера, уткнувшись в свой бокал Соса-Сола. Один раз случайно хлебнул пива из бокала Зайца, но даже не заметил ошибки. Зайцу и тем более всем остальным не рассказывал. Он знал, конечно, что их непонятные недоотношения с Спичкой-Вичкой, ни для кого в этой компании не секрет, но сам разговоров на эту тему никогда не допускал. Их отношения, отсутствие отношений – его решение, решение, которой он раз за разом мучительно переоценивал и принимал. Но сейчас что-то мешало очередной раз согласиться с доводами воспитания и веры, не получалось проникнуться мыслями о греховности плоти... Не в плоти все-таки дело. И неисповедимы пути Господни. И не все пути, что он видит перед собой, требуют полной аскезы. И, в конце концов, Бог есть любовь.

– Почему? Почему ты не можешь жить как все? Ты же сам говорил, что это равнозначные пути – так поступай на физику, становись профессором, ухаживай за Вичкой, спи с ней, расти с ней детей. Что плохо? Какого, спрашивается, хуя тебя тянет в семинарию? – в отличие от Жильвинаса не сквернословящего вообще, Заяц ругался матом, но редко. Сейчас был именно такой случай, когда мат выражал его эмоции лучше всего. Уж заявил, что выбирает путь религии.

– Мне кажется, этот путь все-таки прямее, – Уж упрямо сжал губы. – Я всё решил, Заяц. В конце концов, сколько можно девушку мучить, сам посуди. Это же бред: я – объект её роковой страсти. Да по ней полрайона сохнет! Вот пусть и будет счастлива.

– А почему она не может быть счастлива с тобой?

– А ты сам подумай... – Уж прицелился и отправил мяч в корзину. Мяч, прошел сквозь кольцо не задев его, и со стуком, эхом разошедшимся по ночному двору, опустился на землю. – То есть, это всё с десятого класса продолжалось, а сейчас я такой прихожу: всё, я определился, я буду вести светский образ жизни. Идём, трахнемся, наконец-то...

– То есть, ты выбираешь Церковь для того чтобы в её глазах не было идиотизмом, что ты отвергал её на протяжении двух лет? Ты – феерический дебил, Уж, у меня слов нет! –

подобрав мяч, Заяц зашагал к подъезду. На полпути обернулся к оставшемуся на площадке Жильвинасу. – Видеть тебя, блядь, не могу! Долбоёб! – последнее слово было произнесено по-русски, но Жильвинас понял.

* * *

После концерта они присели за столиком в холле «Fogum Palace». Вика потягивала белое пиво, Жильвинас – верный сложившемуся образу, образу жизни, обетам и всему, чему он оставался верным – целомудренно пил кофе.

– До сих пор не могу поверить – я на концерте «Ленинграда» с тобой. С тобой! Я вообще не знала, что ты их слушаешь! Заяц – да, понятно. Но ты?!

Виктория была весела и возбуждена, за ней было приятно наблюдать. Жильвинас улыбнулся в ответ:

– Заяц и приучил. Ещё в те времена, когда я в семинарии учился, а он вовсю в LSA²² активничал. Утверждал, что ему «Ленинград» необходим для поддержания тонуса, а мне полезен, чтобы совсем святым не сделаться и в небо не вознестись раньше времени. Он, кстати, дико завидует нам. Утверждает, что я специально со Всевышним договорился чтобы тот Шнура в Вильнюс приволок – чтобы ему в Литву захотелось.

²² LSA – Lietuvos Studentų Asociacija – Ассоциация Студентов Литвы.

– А он по-прежнему не хочет? – в отличие от Ужа Вика с бывшим старостой не переписывалась и с тех пор как он решил покинуть Литву слышала о его делах исключительно от Жильвинаса. Как и о делах большинства других одноклассников – Жильвинаса сан не сделал затворником, скорее наоборот. Пользуясь статусом священника, Уж всерьез взялся за роль всеобщего-всеклассного духовного попечителя и гуру, и, в этом качестве, без стеснений навязывал свое общество даже тем из одноклассников, кто в детстве с Ужом разве что здоровался. А с «Королями Улиц», Викой и еще несколькими близкими друзьями тех времён, он общался, кажется, даже плотнее чем в школе. Если не лично, то с помощью электронной почты.

– Не хочет, – Жильвинас вздохнул. Все-таки из всех друзей Заяц и был ему ближе, и беспокоил больше. – Утверждает, что уже одного предательства страны с него было достаточно, а после второго – так и разговаривать не о чем...

– А второе – это что? – удивилась Вика. То, как Андрей вдруг бросил свою активно развивающуюся карьеру в литовской политике, поменяв ее на эмигрантский хлеб чернорабочего, они обсуждали неоднократно и поэтому с «первым предательством» было относительно ясно.

– Помнишь пару месяцев назад мы с тобой матч смотреть ходили? Так вот, через три дня была следующая игра, и тогда-то второе предательство и свершилось, – через силу улыбнулся Жильвинас. Воспоминания о последних минутах

матча «Литва – Македония» и у него по-прежнему отзывались звенящей обидой, разочарованием... Некоторые вещи понятны только мужчинам. И только другим мужчинам можно признаться в том, что понимаешь их. – Кстати, о жертвах того матча... Я так и думал, что в зале видел Римлянина...

Вика обернулась. К ним, заметив их в уже изрядно опустевшем фойе-баре, приближались бывший одноклассник, бывший успешный спортивный журналист, бывший ведущий спортивный телекомментатор Артурчик Роматис и его вечная, уже четыре года как, невеста «Мисс Литва2009», «Мисс Балтия – 2010», «Вице-Мисс Европа 2011» Юргита Юрайте.

– Где ваши руки, бейте в ладоши, суки!²³ – Римлянин поздоровался с ними цитатой, чем заслужил сердитый взгляд Юрги. И хотя заметить этого взгляда он не мог, почувствовал сразу. – Да ладно, Юрга, они же на этом концерте были. Я же не «Побрей Пизду»²⁴ при вас с Викторией выкрикиваю...

– Вот именно это ты сейчас не сделал, – фыркнула его спутница. – Здравствуй, Виктория, привет, Жильвинас. Как вам концерт?

– Восхитительно! Я полностью сейчас понимаю Артура, сама до сих пор под впечатлением... – Вика дружелюбно улыбнулась Юргите, давая понять, что всё нормально и поведение Артурчика – это действительно не то, из-за чего, по

²³ Цитата из песни группы «Ленинград»

²⁴ Название песни группы «Ленинград»

крайней мере в данной компании, его девушке стоит переживать. Юрга чуть облегченно улыбнулась в ответ:

– А мне, если честно, так себе. Не мое это... Но Артур очень настаивал, и... – тут Юрга замялась. – В общем, нужно же иногда получать новый опыт, правда?

– Правда, – кивнул Жильвинас. Он уловил заминку в речи девушки, Юрга не хотела обсуждать с ними проблемы Артура. Спросил нейтрально – Как ваши дела вообще?

– Ай, – Римлянин махнул рукой. – Я у Саулюса на складе подрабатываю и активно работаю над несколькими новыми проектами, посмотрим, что получится... Юрга – всё в разъездах – дефиле, фотосессии. В общем и не видимся почти последнее время... А так – нормально. «Не опускаем головы, даже когда не везет»²⁵, чё...

– Ладно, было приятно, – почувствовав, что Артур приблизился к скользкой теме, Юрга потащила парня к выходу. – Встретимся ещё!

– Бывайте! – помахали им в ответ Жильвинас с Викой. Когда парочка покинула «Fogum Palace», Вика вздохнула.

– Мне не по себе от её присутствия рядом. Не может женщина быть такой красивой... Как вы вообще, глядя на нее, ещё о чём-то думать можете?

– Ты знаешь, у меня очень натренированная выдержка, – улыбнулся Уж. Вика кивнула. Резко, не давая молчанию

²⁵ Цитата из многократно упоминающейся в этом произведении песни М. Микутавичуса «Trys milijonai»

успеть опуститься на столик, Жильвинас сказал первое, что ему вспомнилось:

– Ты знаешь, они же поженились!

– Кто? – вынырнув из начавших затягивать ее воспомина- ний, Вика непонимающе посмотрела на друга. – Артурчик с Юргой?

– Не, Заяц с Нерингой. Еще весной.

– Ого... Там, я так понимаю? Могли бы и пригласить, мне кажется... Как прошло?

В голосе Виктории так явно прорезалась обида, что Жиль- винас рассмеялся:

– Вот! У меня точно такая же реакция была, как узнал! А они, оказывается, вообще никого не звали и ничего не дела- ли: взяли двух своих соседей в качестве свидетелей и поеха- ли в местный аналог ЗАГСа. Говорит, потом даже не особо праздновали: распили дома бутылочку на четверых и всё.

– Ясно... – Вика повела по столу бокалом, вспоминая Нерингу. Девушка в жизни Андрея появилась практически в то же время, когда все остальное из нее начало выпадать. И по всему выходило, что именно она послужила тем спаса- тельным кругом, который удержал Зайца на плаву. Если, ко- нечно, не считать, что он все-таки пошёл ко дну. – В общем, они красивая пара. Он же с ней счастлив, правда?

Теперь пришел черед Ужа задуматься.

– Она мне нравится, – наконец, сказал он осторожно. – И я уверен, что им очень хорошо. Я иногда боюсь, что им

слишком хорошо друг с другом...

– А что, так бывает? – Вика с вызовом посмотрела в глаза Жильвинасу. Прошло столько лет, и через все эти годы им удалось пронести свою дружбу и по большей части невыраженную увлеченность друг другом, но отголоски той игры, которую в самом начале упорно вела угловатая девочка-подросток, нет-нет, да начинали звучать в их разговорах. И в таких случаях Уж отыгрывал свою партию по давнишнему, неоднократно доказавшему свою эффективность сценарию: не замечал её намёков.

– Не знаю... Понимаешь, я последний, кто будет спорить с неисповедимостью путей Господних. И, конечно, вполне возможно, что тихое скромное семейное счастье вместе с Нерингой где-то в английской провинции – это и есть предназначение Зайца. Но я никак не могу прогнать от себя мысль о том, что если бы Неринга не появилась в его жизни – он бы посиховал из-за того, что всё в системе неправильно какое-то время, и вернулся бы к общественной деятельности с новыми силами – чтобы делать Литву лучше. Потому что по моим ощущениям, когда он хотел этого – это было правильно. Хотя... – Жильвинас закончил свою мысль ироничной улыбкой, – кто я такой чтобы спорить с Всевышним о предназначении третьих лиц?

– Кто, если не ты? – улыбнулась в ответ девушка. – Ты же единственный адвокат перед Богом для меня, Зайца, Артурчика и многих других... Кстати, ты заметил, что мы – по-

следние оставшиеся здесь люди, не считая крайне недовольного нашим присутствием персонала?

– Действительно, – огляделся по сторонам Жильвинас. – Отвезти тебя домой или, хочешь, еще куда-нибудь заедем посидеть?

Как бы то ни было, им до сих пор нравилось в компании друг друга.

* * *

«Два Ка» приехали первыми. Жильвинас на звонок шапочных знакомых из юности отреагировал на удивление спокойно: первым делом уточнил нужна ли его помощь в качестве священника и, выяснив, что речь идет о деловом предложении в другой сфере, пообещал проверить, что у него со временем и перезвонить в ближайшее время. Перезвонил через час и поинтересовался подходит ли Каролису три часа дня во вторник в Акропольской²⁶ «Pizza Jazz»²⁷ – за теми столиками, что возле ледовой арены. Лиздейке подходило. Сейчас он, готовясь к предстоящему разговору, сидел, закрыв глаза, слушая как недоумевал наблюдающий за нелепыми движениями подвыпившей молодежи Кость:

– Ладно, предположим, ему Акрополь удобно, понимаю. Но что, он другого кафе здесь выбрать не мог?

²⁶ «Akropolis» лит. – торговый центр в Вильнюсе

²⁷ Сеть пиццерий

К-1 улыбался. Утром, впервые после разговора в школе вышел на связь Демон. Вышел и сообщил, что ЗАО «Дворняги» становятся генеральным спонсором, или одним из таковых, сборной Литвы по баскетболу, а Вайдас Балтушайтис, Повилас Микшис, Михаил и Дмитрий Огневы – её игроками. Спонсорство «Дворняг» было подано безапелляционным ультиматумом, но Каролис спорить и не собирался. Как руководителю команды ему нужно было думать о спонсорах – финансовая помощь Олимпийского Комитета собираемой Каролисом баскетбольной команде была ещё под большим вопросом. Теперь, ещё до встречи со вторым потенциальным разыгрывающим сборной, получалось, что собрана половина необходимой дюжины. Первый этап сумасшедшего плана воплощался в реальность удивительно легко и это радовало. Настораживало, конечно, тоже, но, понимая, что всё самое сложное ещё впереди, Лиздейка предпочитал радоваться. Поэтому и на недовольства Кости он отвечал примирительно:

– Да ладно тебе – им же весело. Можно подумать ты сам не катался ни разу...

– Представь себе. Офицер внутренних сил должен всегда выглядеть и поступать достойно. А ты посмотри на этих клоунов – как тут достоинство сохранить?

– Поэтому мне тут и нравится. Это единственное место в городе, где можно посмотреть на людей, не тратящих всея себя на то, чтобы выглядеть достойно и правильно.

– Здравствуйте, дорогие, чем могу помочь? – подошедший уже с чашкой кофе Уж занял место за столиком и хотя и перешёл сразу к сути дела, всем своим видом выражал дружелюбную заинтересованность в своих собеседниках. Те же рассматривали Ужа с плохо скрываемым любопытством, пытаясь найти в его образе что-то, выдающее принадлежность к Церкви. Выглядел Жильвинас совершенно стандартно и друзьям ничего не оставалось, как поздороваться и перейти к разговору. Слушал их Уж внимательно и внешне спокойно. Не интересовался психическим здоровьем собеседников, не стал задавать набивший уже Ка-1 оскомину вопрос: «Что, даже Валанчус отказался?» Выслушав их, он вообще не торопился говорить хоть что-то. Допил кофе и, отвернувшись, долго смотрел на ледовые развлечения вильнюсцев и гостей столицы за стеклом. Так долго, что Лиздейка уже решил, что сейчас Уж встанет и так, не сказав больше ни слова, уйдёт. Может, попросится. Но Жильвинас всё-таки повернулся к ним.

–Вы случайно не знаете, Лутон же недалеко от Лондона?

* * *

«...И знаешь, солнышко, они мне всё это говорят, а я смотрю на них и всё что могу ответить – это спросить: «ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО ВЫ МНЕ ПРЕДЛАГАЕТЕ», вот так – капсом – и понимаю, что они не понимают, так что

и спрашивать глупо, и объяснять. Потому что... Потому что Бог, конечно, един и любой из путей, ведущих к Богу – праведен, но нельзя одновременно следовать несколькими путями. Это недостойно. А Игра – один из путей. Если Наука – способ привести Бога в мир силой мысли, Религия – силой слова, то Игра – это наиболее яркий способ подарить людям Бога действием. Это разные пути и они требуют слишком разного, чтобы искренне следовать им – одновременно. А там, где нет искренности – нет и божественности, это очевидно.

Кстати, помнишь – летом двухтысячного ты ходила в Вингис болеть за нас? Знаешь, наш матч за третье место среди моих игр – любимая игра вообще и, наверное, лучшая моя игра. При том, что я там не делал ничего сложного, не стремился разыгрывать какие-то конкретные комбинации – просто всю игру старался не торопиться и позволять игре идти так, как она хочет. И быть открытым к её пожеланиям, конечно, быть готовым их услышать. Помнишь, всю первую часть четвертого периода шла очень напряженная игра «очко в очко», а потом на шестой минуте мы начали отрываться? Знаешь, с чего тот рывок начался, как к нам пришла победа? Джи выбросил мяч из-за боковой Саулюсу, а Саулюс то ли поскользнулся, то ли на инурук наступил – в общем, не принял пас. Его хватило только на то, чтобы одним касанием перекинуть его в мою сторону, причем я паса не ждал и не был к нему готов, а «Янтарные» просек-

ли ситуацию и на этот мяч вдвоем бросились. Один – мой, понятно, а кто второй – я даже увидеть не успел, потому что нужно прыгать, брать мяч и отдавать его сразу, иначе окажусь в коробочке, с неудобно принятым мячом – только заметил, что на меня ярко-зеленое пятно с той стороны, где из наших должен быть Заяц приближается. И я решил мяч на Зайца кидать, но он – мяч – летел так, что я его принять и прицельно отдать не смог. То есть, я собирался делать пас на Зайца, но улетел мяч к Римлянину, оказавшемуся под чужим кольцом в одиночестве. Помнишь, как он тогда вложил – он это потом полгода вспоминал: «Чем я не Картер»? И получается, что победу нам принес розыгрыш, в котором никто из нас не понимал, что делает. И когда я сейчас Каролиса слушал, мне всё казалось, что в меня летит этот, не пойманный Саулюсом мяч и единственное правильное моё действие – попытаться принять его и сразу распорядиться. Потому что неисповедимы пути Господни.

Так что в скором времени я отрекусь от духовного звания и, знаешь, Вика – я понятия не имею, что со мной будет после того как мы отыграем. Я даже не знаю как мы сыграем – это слишком безумно, чтобы прогнозировать. Могу сказать только, что поддержание литовского баскетбольного престижа – дело богоугодное безусловно, а раз с нами Бог, то кто против нас?.. # А что потом... Не знаю. И это свежит.

Такие у меня новости, солнышко.

Пиши!

Целую!

Твой Уэс».

Золотой телец

Люди постоянно покидают свои города. По разным причинам. Многие ездят на выходные к родным: молодые студенты – к родителям, оставшимся в деревнях или, мало от деревень отличающихся, городах, не входящих в «Большую шестерку»²⁸; выросшие из таких же студентов семейные пары, утяжеленные тюками и детьми – к таким же, только превратившимся с годами в бабушек и дедушек, родителям. Крепко сбитые мужики среднего возраста с обреченными уставшими глазами – на заработки. Такая, «облегченная» версия гастарбайтерства, не затрагивающая Евросоюз – внутри Литвы. Семья в одном городе, работа в другом, и одному допустим, нужны рабочие руки, но совершенно не нужны голодные рты, которые могут эти руки принести с собой. Вот и мотается мужское население по стране: в воскресенье вечером собраться, поцеловать жену, подкинуть к потолку ребенка – и уехать, чтобы до вечера пятницы глотать пыль на строительном объекте с шести утра до шести вечера. А с шести вечера бухать в компании таких же измученных мужиков в строительном вагончике, куда прораб зачихнул восемь рыл на ночевку. Хорошо, если есть портативный телевизор с антенной – можно поймать матч ЛКЛ и поболеть за

²⁸ Шесть крупнейших городов Литвы: Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шяуляй, Паневежис, Алитус.

своих. В тесноте, да не в обиде. А еще есть рыбаки, охотники, бездельники, туристы и, возможно, убийцы.

Обычно разборки между криминалом, пусть и крупнокалиберным, Госбезопасности не касаются. Бандитизм – не враг государству. Враги – контрабандисты, перевозящие через белорусские границы сигареты и бензин, и распространяющие их по ценам в разы меньше официальных, государством установленных. Те самые, благодаря кому, восемьдесят процентов населения до сих пор имеет возможность курить и добираться на работу машиной, а не на велосипеде. Враги – псевдобезработные, стоящие на учете в бирже труда и при этом работающие нелегально, по сговору. А некоторые и вообще – на бирже не регистрируются, чтобы налог на медицину не платить. Враги – законсервированные агенты КГБ, именно законсервированные – агенты КГБ бывшими не бывают, ждущие своего часа и пока, в ожидании, промышленяющие мелкими гадостями, вроде критики литовской политики, звучащей в основном на рынках и в автобусах – то есть при большом скоплении людей. Изредка, если очень повезёт и звёзды сойдутся, враги – зарвавшиеся и пойманные за руку политики. Но так редко случается. Хотя даже без них врагов остаётся много, и при таком их обилии, простые бандиты вынуждены довольствоваться вниманием обычной полиции. Но со «Стрелком» – случай особый. Во-первых, слишком не похожи приписываемые ему убийства на обычные криминальные разборки. Обычные крими-

нальные убийства бывают двух видов. Либо шумные и навязчивые, нарочито небрежные и, чаще всего, с участием автотранспорта: щедрая очередь из проносящейся на большой скорости «бэхи», взрыв автомобиля (марка не имеет значения) или череда взрывов, в крайнем случае – всажённое между рёбер холодное оружие, в момент, когда жертва садится в свой личный транспорт. Второй вид – квазипрофессиональные убийства, выполненные по всем диктуемым боевиками и криминальными сериалами правилам. А «Стрелок» работает действительно профессионально, чем и ставит правоохранительные органы в тупик. Вторая же причина, по которой после седьмого эпизода к расследованию привлекли Департамент заключалась в том, что единственная прослеживаемая связь между жертвами заключалась в причастности их всех к сети той самой контрабанды, которую так не любят друзья начальства Кястаса, пока ещё не пойманные. Кость очередной раз закурил и запустил следующий ролик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.